18+

Геннадий Дорогов

Три шага в неизвестность

роман

Геннадий Дорогов
Три шага в неизвестность. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26340244
ISBN 9785448575211

Аннотация

В жизни главного героя произошли перемены к лучшему: при помощи старого друга ему удалось получить высокую должность в областной администрации. Но вскоре появился соблазн побороться за губернаторское кресло. Он включается в борьбу, не подозревая, какие трудности и опасности его ждут. Вокруг него затевается странная и непонятная возня. Главный герой не единожды оказывается на краю гибели и теряет практически всё. Но в итоге его поражение приносит ему совсем иное богатство.

Содержание

Часть 1. Друзья и враги 5
Глава 1. Тени прошлого 5
Глава 2. В плену сомнений 25
Глава 3. Предбанник 42
Глава 4. Непредвиденные обстоятельства 60
Глава 5. Полоса отчуждения 82
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Три шага в неизвестность
Роман

Геннадий Дорогов

© Геннадий Дорогов, 2017

ISBN 978-5-4485-7521-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Друзья и враги

Глава 1. Тени прошлого

Антон Владимирович Толмачёв нервно ходил по комнате. Погружённый в свои думы, он не замечал, что его супруга Валентина Сергеевна, сидя в кресле, внимательно наблюдает за ним. В какой-то момент он встретился с ней взглядом.

– Что, Валя? – спросил удивлённо.

Она продолжала молча смотреть на него.

– Ах, да! – спохватился он. – Прости! Я задумался и совсем забыл про тебя. Надеюсь, ты понимаешь меня и не сердишься.

– Да-да! Я всё понимаю, – ответила она несколько поспешно. – Волнуешься?

Он сел напротив неё в другое кресло и шумно вздохнул.

– Не то слово! Душа не на месте.

– Я тебя понимаю, – повторила Валентина. – Ты включаешься в нелёгкую, сложную борьбу с непредсказуемыми поворотами. Но я в тебе не сомневаюсь. Ты победишь. Григорий Иннокентьевич публично назвал тебя своим приемником. Не своего зама Сашу Борщова, а тебя. Это почти гарантия успеха.

– Да не в этом дело, – Антон с досадой махнул рукой. –

Я не про выборы говорю. На этот счёт я не слишком гружусь. Там действительно ситуация складывается в мою пользу. Меня беспокоит другое.

– Боишься, что не справишься с новой должностью? Зря. Ты у меня умница. Да и команда опытная, надёжная. Не подведёт. Опять же Григорий Иннокентьевич обещал на первых порах помогать тебе и словом, и делом. Поверь мне: всё будет хорошо.

Толмачёв с подозрением посмотрел на жену.

– Валя, не морочь мне голову. И не изображай из себя простушку. Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю.

Валентина картинно надула губы, изображая обиду.

– Ну, уж я и не знаю… Просто теряюсь в догадках. И это – не то, и другое – не то. Просвети свою недогадливую жену.

Антон Владимирович укоризненно покачал головой, но всё же стал терпеливо объяснять:

– Мне не дают покоя сеансы с гипнотизёром. Ну, или с экстрасенсом. Не знаю, как он там правильно называется.

– Ты имеешь в виду гипнотерапевта?

– Да, верно: гипнотерапевт.

Супруга слегка подалась вперёд.

– Что конкретно тебя тревожит?

Он неуверенно дёрнул плечом, склонив голову вбок. Немного помедлил, собираясь с мыслями.

– Видишь ли, мы дважды окунались, как бы это сказать, в дебри прошлого. И оба раза сеанс заканчивался одним

и тем же: я получал смертельный удар.

Валентина недоумённо пожала плечами.

– Ну и что? Полагаю, что в далёком прошлом это было не такой уж и редкостью.

– Да, конечно. Оно и в настоящем нередко случается, – согласился Антон. – Но понимаешь, в чём закавыка – я погибал от руки человека, которому доверял. Мало того – считал своим другом.

Он замолчал. Она тоже молчала, ожидая продолжения. Не дождавшись, спросила:

– Что это может означать?

– Вот я и думаю: что это может означать? – отозвался он. – И вот что ещё странно: временн*ая* разница между двумя событиями – более пятисот лет, а оба мои убийцы… ну, не то, чтобы похожи, но что-то общее в них чувствуется. А вот *что* – не могу понять. Вроде бы что-то смутно ощущаю, а ухватить не могу – ускользает. В общем, бред какой-то…

– Может быть, бред. А может быть, и нет, – сказала Валентина. – Значит, оба твоих погубителя чем-то похожи между собой? А в настоящем времени они тебе никого не напоминают?

Толмачёв растерянно уставился на жену.

– Я как-то не подумал об этом, – пробормотал он. – А что – и такое возможно… Только вот кто это может быть?

– Выяснишь, если очень захочешь, – сказала жена и осторожно добавила: – Если провести аналогию с прошлым, то

напрашивается вывод…

– …что это кто-то из моих друзей?! – озадаченно закончил её фразу Антон.

Она манерно махнула рукой.

– Ладно, сам во всём разберёшься. А если не сможешь, гипнотерапевт поможет. Тебе предстоит ещё один сеанс. Не забыл?

– Не забыл.

– Как ты настроен?

Он опять протяжно вздохнул.

– Плохо я настроен. Очень плохо. Как на смертную казнь.

– Что – так тяжело?

– Да, тяжело. Представь, что тебя убивают – жестоко, хладнокровно. А ты при этом совершенно забываешь о том, что это всего лишь сеанс гипноза. Всё воспринимается по-настоящему.

Валентина потянулась к нему, коснулась руки.

– Тоша, потерпи. Надо довести дело до конца. Тебе необходимо найти причину твоих тревог и страхов. А главное – найти виновника твоих переживаний.

Антон Владимирович промолчал. Он сам понимал, что следует докопаться до причины смутного, тягостного беспокойства, терзающего его душу в последнее время. Беспокойства, накатившего внезапно, непонятно откуда.

Сейчас он уже не мог точно определить, когда, в какой

момент возникло чувство смертельной опасности. Ощущение было странным. Оно то пробуждало осторожность и мобилизовало внутренние силы для самозащиты, то, напротив, парализовало волю и отзывалось в сердце звериной тоской.

Вскоре супруга заметила его состояние. Стала расспрашивать. Толмачёв нехотя признался в своих необъяснимых тревогах. Он скептически воспринял обещание жены «что-нибудь придумать». Но спустя пару дней к нему подошёл Саша Борщов и без всякого предисловия стал рассказывать о том, что все мы приходим в этот мир многократно и что причины нынешних жизненных проблем, страхов и неурядиц могут тянуться из прежних воплощений. Антон с удивлением смотрел на него – не шутит ли? Он и прежде слышал подобные россказни, но всерьёз их не воспринимал. Но Александр, как выяснилось, вовсе не шутил. Он сказал, что сам уже обращался к специалисту такого рода и получил потрясающий результат. Было немного странно слышать подобные речи от человека, относящегося ко всему скептически и даже с изрядной долей цинизма. Но всё же к концу беседы Борщов, несмотря на первоначальное сопротивление Антона, смог убедить его в необходимости проведения курса гипнотерапии и даже пообещал помочь попасть на прием к специалисту без очереди.

Уже первый сеанс впечатлил Толмачёва до глубины души. Увиденные им картины древней Руси, ещё не познавшей христианства, потрясли воображение и прочно закрепи-

лись в памяти. Он видел себя сильным и бесстрашным воином, готовым дать отпор любому врагу или умереть с достоинством. Но ему не суждено было погибнуть на поле брани. Ссора с другом из-за красавицы закончилась поединком, в котором ему суждено было погибнуть.

Второй сеанс унёс Антона во времена Ивана Великого – мрачную жестокую эпоху. И опять цепочка странных и неожиданных событий привела его к скорой гибели – от руки близкого, доверенного человека.

И вот теперь ему предстояло пройти ещё один, заключительный сеанс.

Валентина вновь коснулась его руки.

– Ну же, не переживай! Ты во всём разберёшься и примешь необходимые жёсткие меры.

– Жёсткие меры? – резко вскинулся он. – О чём ты говоришь? Какие жёсткие меры я должен принять?

Она отшатнулась от него.

– Ну, чего ты взбеленился? Откуда мне знать, какие меры тебе будут необходимы? Вот когда докопаешься до истины, тогда и будешь решать, что дальше делать, – Валентина опять надула губы. – Не понимаю тебя, Тоша. Хочу как-то помочь, поддержать. А ты рявкаешь на меня, словно я и есть твой таинственный враг.

– Да не рявкаю я. Просто взвинчен, вот и получается грубо, – он шагнул к жене, обнял за плечи. – Не сердись на ме-

ня. И прости за резкость.

Она прижалась головой к его груди.

– Я не сержусь. Но я хочу, чтобы ты не забывал, что всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Он погладил рукой её волосы.

– Хорошо, я буду помнить об этом.

* * *

Раннее утро дышало сыростью и прохладой. Ночью шёл сильный дождь. Об этом напоминали лужи и раскисшие колеи дороги, по которой понурая лошадь неторопливо тянула открытую повозку.

Томилин зябко огляделся по сторонам.

– Какая мерзкая погода, – проворчал он. – Сырость несносная.

Сидящий с ним рядом барон Панкратов резонно заметил:

– Слава Богу, дождь прекратился. Сие обстоятельство уже радует.

Он внимательно посмотрел на своего спутника.

– Не тужите, Пётр Викентьевич! Даст Бог – всё обойдётся.

Томилин с усмешкой покосился в его сторону.

– Что обойдётся, Алексей Модестович? И как обойдётся? Не утруждайте себя, друг мой. Я не нуждаюсь в утешениях.

Повозка свернула в лес и покатила между деревьями. Лапы елей то и дело касались рук и плеч седоков, гладили их

щёки.

Возница обернулся и спросил:

– Не желаете сделать остановку, барин? Самое время помолиться. Негоже предстать перед Господом, молитву не сотворивши.

Томилин бросил на него хмурый взгляд.

– Что же ты, братец, хоронишь меня преждевременно?

– Так ить молитва – она завсегда всем полезна – и усопшим, и здравствующим. Да и Богу приятна. Глядишь, поможет он, защитит от пули. Так *что*, прикажете остановиться?

Пётр Викентьевич немного подумал, потом сказал:

– Нет, голубчик, не будем задерживаться. Поезжай без остановки. Не получится у меня нынче разговор с Богом. Душа не лежит к молитве.

– Ну, как знаете…

Возница опять повернулся вперёд и беззлобно хлестнул лошадь. Повозка побежала быстрее. Панкратов ещё раз взглянул на попутчика и мягко произнёс:

– Я полагаю, граф, что совет был разумным. Мужик правильно сказал: молитва поможет. Защитит ли от пули, не знаю, но душе равновесие вернёт.

Томилин не успел ответить. В голове вдруг послышался шум – непонятные, странные звуки, похожие на чей-то неразборчивый голос. Что ещё за бред? Он встряхнул головой, прогоняя наваждение. Но от резкого движения почувствовал острый приступ дурноты. Лицо исказила грима-

са страдания. Панкратов истолковал это по-своему.

– Простите великодушно, Пётр Викентьевич! – сказал он. – Впредь не стану досаждать вам своими поучениями.

Томилин сделал рукой успокаивающий жест.

– Нет-нет! Не вините себя. Так, пустое…

Вскоре они выехали на большую, просторную поляну. Там их уже ждали. На краю поляны стояла такая же открытая повозка, запряжённая парой лошадей. Будущий противник – Андрей Андреевич Ковалёв – сидел в ней и спокойно щёлкал семечки. Его секундант деловито расхаживал по поляне, выбирая удобное для поединка место.

«Противник! – угрюмо подумал Пётр Викентьевич. – А ведь мы с Андреем всегда были дружны. Почему же теперь нам предстоит стрелять друг в друга? Что произошло между нами?».

Он вдруг с удивлением обнаружил, что совершенно не помнит причины их ссоры, приведшей к дуэли. Что за чертовщина? Как такое может быть? Но он действительно ничего не помнил! Томилин стал лихорадочно припоминать события, случившиеся накануне, но странный, едва различимый голос продолжал звучать в его голове. Он досаждал, раздражал, не позволял сосредоточиться.

Секундант Ковалёва подошёл к вновь прибывшим.

– Господа, позвольте представиться: Шкловский Максим Захарович. Давайте обсудим детали. Каким оружием изволите драться? Я приготовил пару совершенно одинаковых

«Лепажей». Ежели предпочитаете использовать *своё* оружие, то моя обязанность осмотреть его.

– Меня вполне устроит ваше, – сказал Томилин.

– В таком случае прошу следовать за мной. Осм*о*трите пистолеты и выберете один из них.

– В этом нет необходимости. Я полагаюсь на ваше слово.

– Это неразумно! – шепнул Панкратов. – Вопрос касается жизни. Позвольте мне это сделать.

– Не ст*о*ит, – отмахнулся Пётр Викентьевич. – Впрочем, как вам угодно.

Алексей Модестович ушёл осматривать дуэльное оружие. Шкловский задал следующий вопрос:

– Как изволите стреляться: по жребию или сходиться?

– Сходиться.

Сверху упало несколько капель. Томилин поднял глаза к небу. Оно было затянуто тяжёлыми свинцовыми тучами.

– Хорошая погода, – заметил Шкловский. – Очень подходящая для дуэли.

– Да, вполне подходящая.

– Предлагаю установить барьеры на десяти шагах, – сказал Максим Захарович. – Не возражаете?

– Нет.

– Позвольте взять вашу саблю.

Томилин вынул из ножен клинок и передал его Шкловскому. Затем спросил:

– Могу я переговорить с господином Ковалёвым?

– Это противоречит правилам, – возразил секундант противника.

– Мне необходимо задать ему всего один вопрос.

– Я спрошу Андрея Андреевича. Если он не возражает…

Шкловский направился к своей повозке и стал что-то говорить Ковалёву. Тот в ответ небрежно кивнул. Затем неторопливо выбрался из повозки. Томилин подошёл к нему.

– Что вы хотите узнать от меня? – холодно спросил Ковалёв.

– Андрей, как такое могло случиться? – взволнованно заговорил Пётр Викентьевич. – Что произошло между нами?

Ковалёв удивлённо посмотрел ему в лицо.

– Сударь, я вас не понимаю.

– Дело в том, что я совершенно не помню причины, из-за которой возникла дуэль. В это трудно поверить, но всё обстоит именно так. Словно кто-то стёр мою память…

Лицо противника исказила презрительная усмешка.

– Сдаётся мне, граф, что вы ищете повод избежать дуэли.

Язвительный тон ударил словно плеть. Сдерживая всколыхнувшуюся внутри волну гнева, Томилин холодно произнёс:

– Извольте, я готов!

Да, теперь он и в самом деле был готов к поединку. Оскорблённое самолюбие вытеснило все сомнения и хандру, вызвало приток сил. Ах, если бы не этот чёртов голос, бубнящий в его голове!

Спустя пятнадцать минут они уже стояли на противоположных сторонах поляны, держа в руках дуэльные пистолеты. Шкловский дал команду сходиться. Противники медленно двинулись навстречу друг другу. Томилин шёл, испытывая крайнее напряжение. Он внимательно вглядывался в своего врага, стараясь не упустить удобный для выстрела момент. Ковалев же, напротив, демонстрировал полное хладнокровие. Он вальяжно вышагивал, держа руку с пистолетом опущенной вниз.

Воткнутые в землю сабли, обозначавшие собой рубежи, были уже совсем близко, но никто из дуэлянтов не спешил произвести выстрел. И лишь когда расстояние между противниками составляло не более пятнадцати шагов, Пётр Викентьевич не выдержал. Он прицелился и выстрелил. Пуля угодила в верхнюю часть груди ближе к левому плечу. Ковалёв на несколько секунд замер, слегка наклонившись вперёд. По белому полотну рубахи стало расползаться красное пятно.

– Андрей! – испуганно воскликнул Томилин.

Ковалёв поднял на него полные ненависти глаза.

– К барьеру! – хрипло произнёс он.

Пётр Викентьевич послушно приблизился к воткнутой в землю сабле. Андрей Андреевич, заметно покачиваясь, подошёл к своему клинку, обозначавшему барьер. Теперь их разделяло расстояние в десять шагов. Томилин бросил пистолет в траву и стал смиренно ждать своей участи. Панкра-

тов от досады вскрикнул – ведь пистолетом можно было прикрыться от пули.

Противник поднял своё оружие и стал целиться в лоб. Он был хорошим стрелком, но полученное ранение вносило свои поправки. Пистолет «гулял» в его руке. Ковалёв тяжело, словно под тяжестью пистолета, слегка опустил руку и выстрелил.

Пётр Викентьевич Томилин почувствовал удар в грудь и стал проваливаться в черноту.

* * *

Звонко щёлкнули пальцы, и чей-то голос властно произнёс:

– Просыпайтесь!

Толмачёв открыл глаза, и вздох облегчения вырвался из его груди. Только что, буквально считанные секунды тому назад, он простился с жизнью, столкнувшись с очередной своей гибелью. К счастью, это опять оказалось лишь видением. Жизнь продолжалась. Но эмоции, вызванные пережитой в гипнотическом трансе сценой, ещё будоражили душу.

Врач-гипнотерапевт Борис Смыслов внимательно наблюдал за ним. Потом задал вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

– Так, словно заново родился, – признался Антон Владимирович. – Третий раз за минувшие девять дней. Надеюсь,

Борис Алексеевич, что в ближайшее время помирать мне больше не придётся.

– Если вы имеете в виду сеансы регрессии, то, полагаю, этих смертей для анализа нам вполне достаточно. Их больше не будет. А вот в реальной жизни я вам ничего гарантировать не могу.

– То есть, вы хотите сказать, что мне действительно угрожает смертельная опасность?

– Не будем спешить с преждевременными выводами, – уклончиво ответил Смыслов. – Давайте для начала проанализируем ваш последний экскурс в прошлое. Расскажите мне всё, что с вами происходило, как можно подробнее.

Томилин приступил к детальному изложению событий, участником которых он стал во время гипнотического сна. Впрочем, некоторые мелочи он опустил, посчитав их незначительными. Смыслов внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы. Выслушав рассказ до конца, он сделал следующие выводы:

– Итак, Антон Владимирович, ситуация в общем-то ясна. Не гарантирую стопроцентную точность формулировки, но суть примерно такова: вы попали в некое кармическое кольцо.

– Кольцо? – удивлённо спросил Толмачёв. – Что это значит?

– Говоря современным языком, в вашей карме активировалась своеобразная программа. Она раз за разом приводила

и будет приводить вас к одному и тому же финалу.

– То есть всякий раз я буду умирать насильственной смертью от руки близкого человека?

– Увы, да.

– И с этим ничего нельзя поделать?

– Нет, почему же… – Смыслов сделал продолжительную паузу. – Видите ли, ситуация исправима, но есть определённые сложности. Всё зависит исключительно от вас – от вашей смелости, решительности, способности переступить через свои внутренние барьеры.

– Так-так, – пробормотал Антон Владимирович. – Как я догадываюсь, внутренними барьерами вы называете нравственные установки. Давайте-ка поговорим об этом поконкретнее. Через что такое в себе я должен переступить?

– Да, разумеется. Без конкретики нам не обойтись. Но предупреждаю: разговор будет непростым. И пожалуйста, Антон Владимирович, не забывайте, что я всего лишь выполняю свою работу.

– Я вас понял. Обещаю, что буду сдерживать свои эмоции.

– Очень хорошо!

Смыслов задумчиво пошагал по комнате. Потом сказал:

– Из двух первых сеансов мы узнали, что смертельную опасность для вас представляли близкие люди. А точнее – друзья. Кроме того эти персонажи, по вашим словам, были чем-то похожи друг на друга. Полагаю, нет нужды спрашивать, похож ли на них последний персонаж…

Толмачёв задумался.

– Наверное, вы правы, – согласился он. – У двоих предыдущих были густые бороды. У последнего – усы и аккуратная бородка. Но сходство есть. Точно есть! Черты лица похожи. Теперь я в этом не сомневаюсь. И главное – глаза. У всех троих они ярко синие, – он вопросительно взглянул на врача. – Значит, и в настоящее время в моём близком окружении есть человек, имеющий внешнее сходство с теми, от чьих рук я погибал в предыдущих жизнях?

Смыслов неопределённо качнул головой.

– Вам лучше знать…

«Да, мне лучше знать, – подумал Антон. – Кажется, я уже догадываюсь, кто это может быть. Чёрт возьми, неужели… неужели это Пашка?! Не хочется в это верить. Но он похож, действительно похож. И глаза у него ярко синие».

Внезапная догадка больно резанула душу. Пусть бы кто угодно, только не Павел Коржин – старый, проверенный, надёжный друг. Теперь же получается, что он не только ненадёжен, но и смертельно опасен. Нет, в это решительно не хотелось верить. С одной стороны, мотив у Павла есть – и очень весомый. Но с другой… Ведь это же Паша из чисто дружеских побуждений и совершенно бескорыстно помог своему другу устроиться на солидную должность в администрации области.

С трудом преодолев сдавившее грудь волнение, Толмачёв сказал:

– Ладно, с вероятным противником мы, условно говоря, определились. Что теперь делать?

– Теперь осталось самое простое. И в то же время – самое трудное. Вы должны изменить программу.

– Каким образом?

– Обезвредить своего, как вы только что выразились, вероятного противника.

Толмачёв медленно поднял на собеседника окаменевшее лицо.

– Вы хотите сказать, что я должен нанести удар первым? Вы понимаете, *что* вы мне советуете?

Смыслов отчаянно замахал руками.

– Господь с вами, Антон Владимирович! Я вам ничего не советую. И уж тем более – упаси, Боже! – ни к чему не подстрекаю. Вам нужна была информация – вы её получили. Я всего лишь добросовестно выполнил свою работу – не более того. И разве я не предупреждал вас о том, что разговор будет непростым?

– Да, действительно, – Толмачёв усилием воли погасил эмоции. – Простите меня, не сдержался. Но… Ладно, допустим, что я приму радикальные меры. Что последует за этим? Теперь *я* превращусь в кармического палача?

– Нет-нет! – убедительно воскликнул Смыслов. – Для подобного развития событий потребовалось бы запустить новую программу. Вы же попросту внесёте сбой в существующую, и она перестанет работать.

– Но вы сказали, что я должен *изменить* программу.

– Я всего лишь неточно выразился. У вас ко мне ещё есть вопросы?

– Нет. То есть – да.

– Я внимательно слушаю.

– По определённым признакам у меня складывается подозрение – нет, предположение – относительно конкретного человека. Но ведь я могу ошибиться. Как мне убедиться в том, что ошибки нет?

Смыслов задумчиво надул щёки, затем шумно выпустил воздух.

– Видите ли, все предыдущие случаи с тяжёлым исходом оставляют отметины на теле в последующих инкарнациях. Это родинки, бородавки, родимые пятна, рубцы неизвестного происхождения. Во время последнего сеанса вы получили пулю в грудь. Скорее всего, у вас от неё остался след. Я могу взглянуть?

Толмачёв отрицательно мотнул головой.

– В этом нет необходимости. Там у меня родимое пятно.

– Вот! – Борис Алексеевич поднял кверху указательный палец. – Теперь, *что* мы знаем о вашем противнике? Он ранен. И, судя по всему, ранен тяжело. Есть вероятность того, что его рана тоже оказалась смертельной. А это значит, что и на его теле в месте ранения осталась отметина.

Антон Владимирович поднялся из кресла.

– Ну что же, больше у меня вопросов нет. Полагаю,

на этом мы можем закончить?

– Да.

– Что я вам должен?

Смыслов по-свойски махнул рукой.

– Ну что вы, Антон Владимирович! С некоторыми людьми в виде исключения я работаю бесплатно. А уж для такого человека, как вы…

– Сколько? – резко оборвал его Толмачёв.

Со смущённым видом Смыслов назвал сумму. Антон Владимирович расплатился и ушёл.

Закрыв за Толмачёвым дверь, Борис Алексеевич задумчиво побродил по кабинету. Потом подошёл к окну. Вскоре он увидел, как его пациент заходит на стоянку и садится в машину. Спустя пять минут, не менее, его автомобиль тронулся с места. Ну что же, подобная задержка красноречиво говорила об эмоциональном состоянии данного клиента. Смыслов извлёк из кармана мобильник и сделал звонок.

– Да, Борис! – услышал он в трубке знакомый голос. – Я слушаю.

– Мы закончили.

– Ну и?.. Не тяни кота за хвост. Каковы результаты?

– Полагаю, что курс гипнотерапии прошёл успешно.

– Боря, меня не интересуют твои предположения, – сердито проворчал собеседник. – Ты занимаешься проблемой важной персоны, а не человека с улицы. Мне нужны твёрдые

результаты.

– Да что вы, в самом деле, Александр Михайлович! – обиженно воскликнул Смыслов. – Я отработал на совесть. Результаты обнадёживающие. Но всё же я не Господь Бог и за дальнейшее развитие событий ручаться не могу. Это уже, так сказать, не в моей компетенции.

– Ладно, – примирительно прозвучал в трубке голос Борщова. – Ты свою работу сделал.

– Как с оплатой?

– Как договорились. Утром перечислю на твой счёт.

Послышались гудки. Борис Алексеевич ещё немного подержал телефон в руке, потом сердито швырнул его на стол.

– Верно, я свою работу сделал, – подумал он вслух. – Денежки добросовестно отработал. Дальнейшее меня не касается. Разгребайтесь сами.

Глава 2. В плену сомнений

Толмачёв сидел за рулём машины, погружённый в свои мысли. Но не результаты курса гипнотерапии и не планирование в связи с этим своих дальнейших действий занимали его голову. Об этом-то как раз думать совершенно не хотелось. Напротив, было желание выбросить всё из головы, положить информацию куда-нибудь на полочку, чтобы вернуться к ней позже, уже в спокойном состоянии, и всё трезво обдумать. Короче говоря, возникла острая необходимость отвлечься и развеяться.

Ехать домой не было никакого желания. Он мог заранее наизусть процитировать всё, что ему скажет Валентина – все её вопросы и последующие за ними советы. В общем, требовалась нейтральная территория, тихая гавань. Такое место имелось.

Он включил мобильник, который был отключен перед сеансом, и сделал звонок.

– Слушаю вас, господин губернатор! – пропел в трубке мелодичный женский голос.

Толмачёв засмеялся.

– Льстишь, моя хорошая. Увы, Лариса, пока я возглавляю не область, а лишь департамент образования.

– Это вопрос времени, – сказала она с наигранной беспечностью. – Мне приятно, что ты не забываешь про меня.

– Как я могу забыть тебя, маэстро?

Теперь *она* засмеялась.

– Тоже льстишь? Увы, я не маэстро. Всего лишь даю частные уроки музыки.

– Возможно, это тоже вопрос времени.

– *Так* звонишь или дело есть? – спросила Лариса.

– Дело. Вернее, несколько дел.

– Я слушаю.

– Первое: хочу слышать твой голос.

– Ты его слышишь.

– Второе: хочу увидеться с тобой.

– И третье?

– Не только увидеться…

– Ага, запросы стремительно растут, – она немного помолчала, потом спросила: – Какая необходимость? Валентина держит тебя на голодном пайке?

Он скептически хмыкнул.

– Нет, конечно. Просто соскучился. Ты не рада?

– Я рада, но… ст*о*ит ли рисковать? До выборов осталось не так уж и много времени. Давай не будем совершать опрометчивые поступки. Поизображай из себя пару месяцев примерного семьянина. Сам же убеждал меня, что сейчас не время рушить семью.

Она, конечно же, была права. Но внутреннее напряжение не давало покоя, требовало разрядки.

– Рискнём один раз, – сказал Антон. – Мы ведь уже не пер-

вый месяц с тобой вместе. Пока всё обходилось. Почему же теперь?..

– Теперь твои портреты по всей области развешены.

– И всё же рискнём, – настойчиво повторил он.

– Как знаешь, – не стала спорить она. – Когда приедешь?

– Примерно через полчаса.

– Хорошо. Жду.

Антон вновь выключил телефон. Затем запустил двигатель и выехал со стоянки. Предостережение подруги не изменило его планов, но всё же заставило задуматься над элементарными мерами предосторожности. Требовалось как-то замаскироваться. Кардинально изменить внешность он сейчас не имел возможности, но прикрыть своё лицо козырьком кепки не помешало бы. Он подъехал к магазину головных уборов. Но едва Толмачёв вошёл в помещение, продавщицы, приветливо улыбаясь, бросились ему навстречу.

– Антон Владимирович, что желаете приобрести? У нас широкий выбор товаров.

Он слегка стушевался и ляпнул первое, что пришло в голову:

– Спасибо, девушки. Я заглянул к вам по служебным делам. Хочу убедиться, что у вас нет нарушений в вопросах обслуживания посетителей.

И хотя департамент образования не имел к торговле никакого отношения, а должность губернатора была лишь в перспективе, женщины наперебой стали уверять его в том, что

у них обслуживание клиентов на высшем уровне. Они достали из шкафчика журнал отзывов покупателей, предложили позвать администратора. Толмачёв поспешил их успокоить:

– Спасибо, не нужно. Я и так вижу, что у вас всё замечательно.

Он вернулся к своей машине и поехал искать другой такой же магазин. Найдя подходящий объект, загнал автомобиль на стоянку и, опустив стекло, окликнул проходящего мимо паренька:

– Слышь, приятель, дело есть. Подойди.

Парень остановился и развязно спросил, сунув руки в карманы:

– А мне оно надо?

– Если деньги не нужны, то, конечно, не надо.

Парень вразвалку подошёл к машине.

– Ну, давай, батя, озвучивай тему.

Антона покоробила его наглая манера разговаривать. Но он сдержал эмоции. Сейчас не до апломба.

– Дело такое, – сказал он. – Я даю тебе «штуку». Ты идёшь в магазин и покупаешь мне кепку. Сдачу забираешь себе. Кепка должна быть с большим козырьком. И постарайся с размером не ошибиться.

– А сам чё не сходишь? Западло, что ли?

– С левой ногой проблема, – соврал Антон. – Операцию делали.

– Ладно, замётано!

Парень взял деньги и ушёл. Не прошло и десяти минут, как он вернулся, протягивая Толмачёву чёрную бейсболку. Антон гневно сверкнул глазами.

– Ты что мне принёс? Я заказывал кепку, а не эту фигню. Взял то, что подешевле?

– Тебе что – деньги жалко? – попёр парень в атаку. – Боишься, что простому человеку лишняя копейка достанется? Не жмись, батя. Твой «мерс» лимона на четыре тянет. А ты на бедных людях экономишь.

– Да не в деньгах дело…

– Тогда я ваще не понял, что тебя не устраивает? Заказ твой я выполнил, хотя мог просто свалить с деньгами. Цени поступок! Бейсболка ему не нравится…

– Но ведь не по сезону она. Сентябрь на дворе.

– Зато козырёк большой. И размер регулируется.

Спорить не имело смысла. Антон взял головной убор и поднял стекло. Выбравшись со стоянки, он поехал к дому, в котором жила Лариса.

У подъезда на лавочке сидели три старушки. Антон потянул козырёк вниз, стараясь прикрыть им лицо, и зашагал к входной двери.

– Дома Лариса, – сообщила ему одна из бабушек. – Я её недавно в окошке видела.

– Спасибо! – машинально ответил Толмачёв.

И тут же почувствовал досаду. Конспиратор, мать твою

ети! Впрочем, эти бабки любого агента в два счёта разоблачат. Тут уж удивляться нечему. Он подошёл к двери и стал набирать номер на пульте домофона.

– Давно его не было видно, – сказала полушёпотом другая старушка. – Я уж, грешным делом, подумала, что больше не появится здесь.

– Зато другой зачастил, – поддержала разговор третья. – Почитай, через день да каждый день к Лариске наведывается.

Антон резко обернулся на разговорчивых старух.

– Что?!

Они отчаянно замахали руками.

– Это мы так, о своём судачим. Не обращайте внимания. Ступайте-ступайте! Дома Лариса.

В это время раздался протяжный писк домофона. Толмачёв распахнул дверь и вошёл в подъезд.

* * *

Его гневную обвинительную речь Лариса терпеливо выслушала до конца. Потом спокойным голосом спросила:

– Ты закончил?

Эта её манера спокойно воспринимать любую ситуацию очень нравилась Антону. Лариса никогда не повышала голоса и не перебивала собеседника. Но сейчас её сдержанность вызвала в нём совсем иную реакцию.

– Прекрати издеваться! – прикрикнул он.

– А ты прекрати кричать.

Она смотрела на него своими ясными серыми глазами. Антон невольно залюбовался ею. Красивая! Очень красивая умная женщина тридцати двух лет, ни разу не побывавшая замужем.

Впрочем, Валентина в свои сорок два, пожалуй, по внешности ничуть не уступала Ларисе. И ведь тоже отнюдь не глупа. Но с ней всё как-то было не так. В отношениях постоянно чувствовалась наигранность, неискренность. Прожив вместе двадцать один год, они так и не научились полностью доверять друг другу. Внешнее семейное благополучие и отсутствие настоящего душевного тепла толкнули Толмачёва на поиски этого с*а*мого тепла на стороне. Во всяком случае, этим аргументом он успешно успокаивал свою совесть.

С Ларисой он мог позволить себе быть откровенным, не боясь, что она его неправильно поймёт или посмеётся над ним. Именно душевная близость, а не поиски приключений удерживали его рядом с ней. Они уже начинали строить планы на совместное будущее. Да, ради неё он готов был разрушить свою семью.

И вдруг такое предательство!

– Не ожидал, что ты воткнёшь мне нож в спину, – сказал Антон, ещё не успокоившись, но уже заметно остудив первоначальный пыл.

– Нож в спину? – она удивлённо вскинула бровь. – Не го-

вори глупости. Я тебя не предавала.

– Неужели? – спросил он язвительным тоном. – И сколько же раз ты меня не предала?

Она поднялась с дивана и спросила:

– Чаю хочешь? Или, может быть, кофе? У меня есть конфеты – пальчики оближешь.

– Любовник принёс? – угрюмо спросил Толмачёв.

– Ты имеешь в виду Серёжу? Да, он. Но уверяю тебя, конфеты от этого ничуть не стали хуже.

– Ну, ты даёшь!

Лариса подошла к нему вплотную и, глядя в глаза, заговорила неожиданно жёстко:

– Послушай, Антон, прекрати этот спектакль! Мы с тобой встречаемся около полугода. Вроде бы, всё у нас прекрасно: чувства, доверие, внимание и понимание. Однако есть одно маленькое «но».

– Любопытно! Прежде у нас никаких «но» не возникало.

– Я говорю о вопиющей несправедливости. Сам посуди, ситуации у нас неравноценные. На что мне жаловаться? Живу так, как хочу. Ни от кого не прячусь и не завишу. Имею любовника с большими возможностями. А каково тебе, бедняге? Ведь на два фронта воюешь! Вот я и решила взвалить на себя дополнительную нагрузку, чтобы всё честно было.

– Понятно! – он с досадой покачал головой. – Захотелось компенсации. Но ты ведь должна понимать, что в данный момент ситуация вынуждает меня сохранять видимость се-

мьи. Иначе бы я…

– Боже мой, Антон! – горячо воскликнула она, не сдержав на этот раз эмоции. – Это *ты* чего-то не понимаешь. У тебя семья: жена, с которой прожил больше двадцати лет; взрослый сын. Захочешь ли ты кардинально менять привычный образ жизни или всё закончится одними разговорами – это мне неведомо. А моё время уходит. Я одна, совсем одна. Понимаешь? Я тоже хочу иметь семью. Детей хочу. А Сергей любит меня. По-настоящему любит. И предлагает мне руку и сердце.

– А *ты* его любишь?

Она повернулась и пошла на кухню, бросив на ходу:

– Идём!

Толмачёв вдруг успокоился. Это было спокойствие человека, который потерял нечто очень важное и теперь вдруг смирился со своей потерей. А если так, то чего сцены разыгрывать и изображать из себя обиженного? Значит, надо просто плюнуть на всё, расслабиться и получать удовольствие. Сначала попить чай с Серёжиными конфетами – почему бы и нет! А потом увести в постель Серёжину невесту.

Вслед за Ларисой он зашёл на кухню.

Ларисина голова лежала у него на плече. Антону очень нравилась эта её привычка. Всякий раз после близости она ложилась так, гладясь щекой об его плечо, словно котёнок. В груди у него вдруг остро кольнуло. Чёрт возьми, неужели

он так легко и просто уступит её? Ведь эти неполные шесть месяцев они были счастливы вместе. По-настоящему счастливы. И вдруг… Боже, зачем же она так поступила? Зачем?!

Он поймал себя на мысли, что опять поддался эмоциям. Заставив себя успокоиться, спросил:

– Это наше *последнее* свидание?

Она пожала плечами, не меняя позы.

– Как решишь, так и будет.

– А как же твой Серёжа? Захочет ли он терпеть наш треугольник?

Лариса слегка приподнялась, оторвав голову от его плеча. Сказала тихо:

– Антоша, у меня с ним ничего не было.

– Не было?! – удивлённо воскликнул Антон. – Но он же регулярно бывает здесь. Чем вы занимаетесь?

– Пьём чай с конфетами. Или кофе.

– И всё?

– Ещё разговариваем.

– И всё?

– Может быть, ещё какие-нибудь мелочи. Ничего серьёзного.

Он резко поднялся, сел на кровати.

– Лариска, это же совсем другое дело! Прямо камень с души свалился. Только не пойму, зачем тебе это нужно?

– Что – «это»?

Она села рядом с ним, прижалась к плечу.

– Ну, встречи с этим Серёжей. Зачем морочишь мужику голову, если не собираешься строить с ним отношения?

– А я, Антоша, ни с кем не собираюсь строить отношения. Строительство – не моя стезя. Я хочу создать семью на основе любви, взаимопонимания и доверия.

– Ладно, пусть так, – согласился он. – Тогда тем более непонятно. Человек приходит, на что-то надеется. Ведь получается, что ты его за нос водишь.

Она решительно помотала головой.

– Нет, не так. Я ничего ему не обещала и ни в чём не обманула. И он ни на что не претендует, хотя и надеется. Ему хорошо со мной, вот и приходит. А мне с ним интересно. Он очень хороший, интеллигентный, приятный человек.

Толмачёв почувствовал острый укол ревности. Стараясь придать голосу оттенки безразличия, сказал:

– Почему бы тебе не выйти за него замуж? Вполне подходящая кандидатура. Смотри, упустишь шанс.

Лариса разгадала его маневр. Засмеялась.

– Не хочу за него замуж. Понимаешь, Сергей моложе меня на шесть лет. Зачем мне такой юноша?

– Зато я старше на целых двенадцать.

– Мужчина и должен быть старше.

– Прямо-таки должен? Кто тебе такое сказал?

– Это моё личное мнение. На объективность не претендую.

Антон осторожно обнял её, уткнулся лицом в её волосы.

– Лариса, родная, я не передумаю. Клянусь тебе! Хочешь, будем продолжать встречаться? Чем я рискую, в конце концов? Губернаторским креслом? Подумаешь! Невелика потеря. Ты мне дороже всех и всего.

– Но ведь ты очень хотел стать губернатором, – возразила она.

– Да, хотел. И сейчас хочу. Я бы мог много полезного сделать для области. В голове ро*я*тся планы, задумки, проекты. Но если передо мной встаёт выбор…

Антон замолчал, захлёстнутый волной чувств. Лариса с нежностью смотрела на него влажными глазами.

– Не надо тебе выбирать. Пусть лучше тебя выберут, – сказала тихо, почти шёпотом. – И рисковать не ст*о*ит. Ты должен достичь своей цели. Для тебя это важно. Значит, и для меня тоже. А я подожду. Сколько нужно, столько и буду ждать.

Впору было самом*у* прослезиться от её готовности пожертвовать собой ради его интересов. Однако Антона слова возлюбленной насторожили. Да, для него очень важно стать губернатором. Он стремился к этой должности, мечтал о ней. Но, несмотря на это, только что выразил готовность пожертвовать своей мечтой ради любви. Ради неё – Ларисы. Так почему же она не ухватилась за такую возможность, не пошла навстречу? Напротив, стала убеждать его в необходимости продолжать борьбу за высокий пост. Выходит, он не сам по себе д*о*рог ей, а лишь в сочетании с высокой должностью?

«Любовник с большими возможностями»…

* * *

Возвращаясь домой, Антон тщательно готовился к ответам на сердитые и дотошные расспросы супруги. К его удивлению Валентина не стала устраивать разборок, лишь осторожно спросила:

– Ты был очень занят весь день?

– Нет, – сказал он. – Просто решил развеяться. Поехал в бор, побродил среди сосен в одиночестве.

– Ты был недоступен всё время, – напомнила жена.

– Да, я отключил телефон перед сеансом. А потом… не то, чтобы забыл его включить, просто хотелось в спокойной обстановке поразмышлять над свежей информацией.

Валентина либо поверила в его объяснения, либо сделала вид. Вела она себя как-то очень уж сдержанно и осторожно. С некоторых пор такое с ней случалось время от времени. Чем это объяснялось, было непонятно. Да Антон и не задавался подобными вопросами.

– Как прошёл последний сеанс? – спросила жена.

– Сюжет другой, но финал всё тот же, – ответил он.

– Ты погиб от руки друга?

– Да.

– И он… был похож на предыдущих?

– Похож.

Валентина взволнованно походила по комнате, потом подошла к окну и стала глядеть сквозь стекло во двор. Не оборачиваясь, сказала:

– Тоша, мне очень тревожно. Кто-то в твоём близком окружении представляет для тебя смертельную опасность. Не исключено, что это связано с предстоящими выборами. Ты уже предполагаешь, кто это может быть? Твой последний убийца кого-нибудь напомнил тебе?

Толмачёву показалось, что его навязчиво к чему-то подталкивают. Это ему очень не понравилось и насторожило. Заводить откровенный разговор не было ни малейшего желания.

– Не знаю, – сказал он. – Мне было трудно сосредоточиться. В голове постоянно слышался какой-то шум.

Валентина повернулась к нему.

– Но это вполне объяснимо. Когда человек чувствует смертельную опасность, у него поднимается давление. От этого возникает шум в ушах.

– Он больше походил на чей-то голос, бубнящий в моей голове.

Жена удивлённо подняла брови.

– Голос? Что за чушь?! Тоша, тебе, вероятно, показалось. Скорее всего, это был шум. Просто шум. Причину я тебе объяснила.

– Нет, дорогая, это был голос. Невнятный, неразборчивый, но всё же голос.

– Глупости! Ну, сам подумай, откуда он мог взяться?

– Понятия не имею. Хотя… – Антон вдруг замер, поражённый внезапной догадкой. – Чёрт возьми! А что, если…

Валентина резко подалась к нему.

– Что – «если»?

– Да так, глупости, – он небрежно махнул рукой. – Прости, я не готов продолжать эту тему. Мне ещё надо подумать.

Теперь ему действительно было над чем подумать. Голос! Да, именно голос менял всю картину. Почему же он раньше не сообразил? Ведь может статься, что его просто разводят как лоха. Но если это спектакль, то у него непременно должен быть режиссёр. А ещё сценарист и автор идеи. И, конечно же, лицо, заинтересованное в этом спектакле…

Валентина прервала его мысли, сообщив:

– Звонил Саша Борщов. Сказал, что не может никак с тобой связаться. А у него к тебе важное дело.

– Что за дело? – спросил Антон.

– Я в ваши мужские дела нос не сую. Позвони ему сам и всё узнаешь.

Толмачёв включил телефон и позвонил Борщову.

– Саня, что там у тебя стряслось?

– Стряслось, Антоша, стряслось, – весело балагурил Александр. – Завтра суббота – банный день. Предлагаю поехать ко мне на дачу и, так сказать, «дать ж*а*ру». А заодно отметить кандидатскую.

– Кандидатскую? – спросил Антон. – Кто защитился?

Борщов громко расхохотался.

– Ага, попался на мою уловку! Нет, Антон, мы другую кандидатскую отметим. У нас же на пост губернатора три кандидата: ты, Паша и я. Вот я и предлагаю собраться втроём – накрыть стол, баньку затопить. У меня шикарная баня. Ты, кажется, ещё не бывал на моей даче?

– Нет, не доводилось.

– Много потерял, Антоша! Но мы это дело поправим. Попаришься в моей баньке – сам такую же захочешь построить. Ну что, друг, принимаешь приглашение?

– Охотно, – сказал Антон.

– Договорились! – бодро воскликнул Борщов. – Завтра в одиннадцать заеду за тобой.

Связь прервалась. Антон продолжал стоять посреди комнаты с телефоном в руке. Он и в самом деле был не прочь попариться в бане в вышеупомянутой компании. И не только для того, чтобы немного развеяться. Ему хотелось кое в чём убедиться.

– Значит, ты решил завтра поехать в баню? – спросила Валентина.

– Да, – ответил он, с любопытством глядя ей в лицо. – А ты как узнала про баню? Я этого слова не произносил.

Она засмеялась.

– Но ведь Саша его произносил?

– При чём здесь Саша? Рядом с тобою нахожусь я.

– У тебя очень громкий звук на телефоне. Всё слышно.

– Разве?

– Тоша, что за придирки? – обиженно воскликнула Валентина. – Я беспокоюсь за тебя, проявляю о тебе заботу. А тебя, оказывается, всё это раздражает. Уж и не знаю, как тебе угодить.

– Ладно, извини, – сказал он.

Устраивать разборки не имело смысла, хотя и возникли подозрения, что Валентина всё же совала свой нос «в мужские дела».

Глава 3. Предбанник

На дачу они ехали вдвоём на внушительном джипе Борщова. Управляя машиной, Александр Михайлович оживлённо расхваливал своё новое роскошное приобретение и подчёркивал преимущества внедорожников перед чисто городскими автомобилями.

– Так что ты, Антоша, неправильно выбрал себе машину, – говорил он. – Покупай джип – не пожалеешь.

– Меня мой «Мерседес» вполне устраивает, – сказал Антон.

– «Устраивает»! – усмехнулся Борщов. – Нет, я не спорю: машина красивая, мощная, шикарная. Но куда на ней поедешь? Только по асфальту годится.

– А мне и надо только по асфальту. Я в городе живу.

– А что – на природу не выезжаешь?

– Выезжаю. Бываю иногда в сосновом бору, – сказал Толмачёв с улыбкой. – Но туда я и на своей могу проехать.

– «В сосновом бору»! – опять передразнил хозяин джипа. – Ну а рыбалка? Охота? Или хотя бы по грибы ходишь в лес?

– По грибы хожу иногда. Но для этого у меня есть старый «Жигулёнок».

Борщов пренебрежительно хмыкнул.

– «Жигуль» – это не машина. Я бы в такое корыто даже

садиться не стал. Не те времена. Ну ладно, по грибы на ней можно поехать. А на охоту?

– Да не любитель я. Мне в городе комфортней. Не понимаю, чего вас тянет комаров кормить?

– А что тебе комары? Вот проблема! Ты же, вроде, бывший деревенский парень?

– Ну да. Рос я в деревне. И всё время мечтал сбежать оттуда. Наелся досыта деревенской жизни. И сбежал – сразу, как только появилась возможность. Я и в институт-то, наверное, поступил только для того, чтобы в город уехать. Это в старых песнях деревня по ночам снится. Оно, может быть, когда-то так и было. Тянуло людей в их «заповедные места». Только всё давно изменилось. Не та ныне деревня, совсем не та. Погрязла в пьянстве, воровстве, хулиганстве. Развратили её.

Борщов удивлённо покачал головой.

– Странно. Очень странно. Вот вы с Пашей Коржиным старые друзья, а такие разные. Пашка вон в тайге себе избушку соорудил. В самой глухомани. Впрочем, тебе ли не знать об этом.

– Да, я слышал.

– То есть как это – слышал?! Ты что, ни разу там не был?!

– Нет.

– Ну, ты!.. – шокированный только что услышанной информацией, Александр так и не смог подобрать нужного сл*о*ва, лишь сказал: – Ладно, об этом мы ещё поговорим.

– А ты там бывал? – спросил Антон.

– Да, в прошлом году мы славно поохотились с Павликом. На зверя не ходили, но дичь хорошо постреляли. Мест*а* там сказочные. Правда, увлеклись, забрели далеко от домика, а тут дождь, как нарочно. Промокли, промёрзли, пока добрались. Время-то к октябрю шло. Но у Паши там банька тоже имеется – маленькая да жаркая. Спасла нас от простуды. Странно, что он тебе об этом не рассказывал.

Они подъехали к массивным раздвижным воротам, встроенным в высокий глухой забор. Борщов заглушил двигатель.

– Подождём Пашу здесь, – сказал он. – А пока потолкуем с глазу на глаз – о том, что меня очень беспокоит.

Толмачёв понимающе кивнул.

– Догадываюсь, о чём речь. Тебя интересуют результаты моих сеансов у гипнотизёра.

– Верно! Дело-то серьёзное. Я ведь, Антоша, не просто так любопытствую. И не только тебе задаю вопросы. Боря Смыслов передо мной отчитался по полной программе. Но он, вероятно, не всё знает? Так ведь?

– Не всё, – Антон повернулся к собеседнику всем корпусом. – Только я одного не пойму: если опасность грозит *мне*, то ты-то чего суетишься?

Борщов резко переменился в лице.

– Ты меня обидеть хочешь?! – гневно выкрикнул он. – Скажи честно: захотелось в душу человеку плюнуть? «Чего суетишься»! – передразнил он с сарказмом. – Мы сколько времени вместе работаем?

– Чуть больше двух лет.

– И что? Мало, по-твоему? Мне-то подумалось, что мы с тобой стали друзьями. Или я что-то неправильно понимаю?

– Правильно понимаешь, Саша, – примирительно сказал Антон. – Ты всё правильно понимаешь. Но также постарайся понять, что я сейчас немного не в себе. От всей этой ерунды голова идёт кругом. На носу выборы. Дело напряжное, хлопотное. А мне вдруг сообщают о смертельной угрозе со стороны близкого друга…

Александр Михайлович отчаянно взмахнул руками.

– Да, понимаю, чёрт возьми! Всё я, Антоша, понимаю. Борька мне тоже говорил, что тебе грозит такая опасность. Только вот кто это может быть? Ведь если связать угрозу с выборами, то получается, что опасен для тебя кто-то из нас двоих: либо я, либо Паша. Но это же бред! Ну, сам посуди, Антон – это бред! Мы тебе не враги.

– Не враги, – согласился Антон. – Вы мне всего лишь соперники в борьбе за кресло губернатора.

– Да не соперник я тебе! – голос Борщова опять поднялся до крика. – Не знаю, как Павлику, а мне не нужно это кресло. Зачем мне такой хомут на шею? Я в своём кресле чувствую себя куда как комфортнее. И при этом имею не меньше, чем губернатор. Увидишь мои владения – сам убедишься. Я ведь, Антоша, уже восемь лет в первых замах у Гаврилова. Чувствую себя на этом месте как рыба в воде. Предвижу твой закономерный вопрос: зачем же я ввязался в выбор-

ную кампанию? Да всё очень просто: меня Старик попросил об этом. Чтобы было не менее трёх кандидатов. Для легитимности выборов, так сказать. Вот и всё.

Антом внимательно посмотрел ему в глаза.

– Но ведь тогда получается, что мне угрожает Павел – мой друг со студенческой скамьи.

Борщов отвернулся от него и стал смотреть куда-то через лобовое стекло. После некоторой паузы сказал:

– На Пашу я бы подумал в последнюю очередь. Да чего там – я бы вовсе на него не стал бросать тень. Мы с ним дружны уже почти три года. С тобой вот как-то не сразу нашли общий язык, а Павел оказался человеком более открытым. Честный, порядочный, надёжный мужик! Зря ты его подозреваешь.

Антон грустно усмехнулся.

– Ну ты, Саня, даёшь! Разве я сказал, что кого-то подозреваю? Я вообще не уверен, что мне реально кто-то угрожает. Мало ли из-за чего могла возникнуть тревога. Может быть, съел чего-нибудь… – попытался он пошутить.

– Значит, методам Бори Смыслова ты не слишком доверяешь?

– Нет, почему же? Результаты очень убедительные.

– Но всё же тебя что-то смутило? *Что*, если не секрет?

– Всё было на высшем уровне, – успокоил его Антон. – Борис Алексеевич показал себя мастером своего дела. Просто мне осточертело размышлять на эту тему и неизвестно

кого бояться. Хочется отвлечься и развеяться.

– Вот это я тебе твёрдо обещаю, – бодро отозвался Александр. – Всё будет, как ты сам только что изволил выразиться, на высшем уровне, – он взглянул в зеркало, расположенное на лобовом стекле. – А вот и Паша подъехал. Пойдём, встретим друга.

* * *

Баня действительно производила впечатление. По своим размерам и внешнему виду она больше напоминала терем. Из трубы уже вился лёгкий, едва заметный дымок. От входной двери расстилался деревянный трап, ведущий в небольшой пруд и заканчивающийся упругим помостом для прыжков в воду. Что касается «дачного домика», то в этом дворце могли бы, не мешая друг другу, проживать несколько семей. Весь же участок раскинулся более чем на полгектара. Там имелись и теннисный корт, и поле для гольфа. В дальнем конце, образуя маленький бор, росли кедры высотой примерно в полтора-два человеческих роста. Заканчивалось дачное поместье на берегу реки. Там же, у самой воды, располагалось небольшое строение прямоугольной формы. Антон невольно поразился увиденным. Если у Борщова дача утопает в такой роскоши, то *что* представляет собой его особняк в спальном районе города?

Проведя гостей по своим владениям, хозяин дачи опять

повёл их к бане. В просторном помещении, которое язык не повернулся бы назвать предбанником, был накрыт роскошный стол. Антон удивлённо присвистнул.

– Ты когда успел всё это подготовить?

Борщов критически посмотрел на него.

– Удивляешь ты меня, парень. Сколько времени ты в администрации? Больше двух лет – сам так недавно сказал. А до сих пор рассуждаешь как рядовой инженер. Бери пример со своего друга Паши, – Александр хлопнул Павла по плечу. – Вот он уже начал правильно понимать стратегию новой власти. Меняет понемногу своё мировоззрение.

Антон вопросительно взглянул на своего друга. Павел засмеялся.

– С волками жить – по-волчьи выть.

– Значит, выть по-волчьи ты уже начал? – спросил Антон. – А я-то и не знал. Смотри, Павлуша, одним вытьём дело может не закончиться. Как бы тебе потом рвать кого-нибудь клыками не пришлось. У стаи свои законы. А может быть, ты уже и к этому готов?

Коржин недовольно поморщился.

– Брось, Антон! Ты же меня давно знаешь. Подлецом я никогда не был и не буду. Всё хорошо в меру. Я об этом не забываю.

– Надеюсь.

– Надеется он! – Павел сердито дёрнул головой. – Да ты меня как облупленного знаешь. Ну, отступил я немного

от своих принципов. И чёрт с ними! Одними принципами сыт не будешь.

– Давно отступил? – ехидно спросил Антон.

– Я дату в календаре не помечал. Но и ты, дружище, не обольщайся: тебе это тоже придётся сделать. Иначе просто сожрут.

– Это мы ещё посмотрим.

– Так-так, братцы мои, спор прекращаем, – примирительно сказал Александр. – Ты, Антоша, не горячись и не наезжай на нас со своей праведностью. Хочется жить бедно – возвращайся на завод. Чего ж в администрацию области попёрся? Мог бы и отказаться от предложения.

– Так ведь мы сюда работать пришли, – возразил Толмачёв. – Дело делать.

– А вот это, Антоша, и есть самое главное дело, – Александр выразительно повёл рукой, указывая на своё богатство. – Для того и живёт человек, чтобы вкушать земные радости. Ты ещё толком не попробовал красивой жизни. Ничего, скоро распробуешь. Вот тогда и почувствуешь разницу. Думаешь, это я сам занимался праздничным столом? Нет, мой хороший. Я лишь распорядился. Стол накрыла прислуга. Надо всего лишь понять простую истину: нам, слугам народа, без прислуги никак не обойтись. Меняй психологию, Антон. И чем скорее, тем лучше. Упустишь момент – всю жизнь жалеть будешь.

Антон не успел возразить. Борщов воздел кверху руки

и громогласно объявил:

– Всё, братцы, прекращаем спор. Заседание объявляю закрытым. Переходим ко второй части нашего праздничного мероприятия. Короче, кушать подано – садитесь жр… То есть прошу всех за стол.

Толмачёв и сам понял, что пора прекращать разглагольствовать о морали. Можно перестараться с ролью праведника и выдать себя. Когда-то, не слишком давно, Павел Коржин сумел убедить руководство в том, что его друг обладает ценными деловыми качествами и может принести области огромную пользу, заняв пост в администрации. И Антон не подвёл своего поручителя. Он энергично приступил к новым обязанностям, успешно воплощая в реальные дела свои многочисленные планы и идеи. Его усердие и смекалка были замечены и по достоинству оценены. Не зря же Григорий Иннокентьевич – нынешний губернатор – призвал народ по местному телевидению поддержать на выборах именно кандидатуру Толмачёва. Но не только области Антон планировал принести пользу. О себе, любимом, он тоже не собирался забывать. Нет, он не вымогал, не прессовал, не ставил ультиматумов, никого не загонял в угол. Он вообще не хапал. Но от периодических, относительно скромных и безопасных «презентов» не отказывался. Эти «мелкие» подношения, однако, помогли ему обзавестись квартирой в элитном доме и роскошной иномаркой. И Антона это не смущало. Сколько лет он прозябал в бедности, сводя концы с кон-

цами! Сколько лет кормил нахлебников-чинуш своим трудом! Настало время возвращать своё.

Так что и его мораль была достаточно гибкой. Весь спектакль был затеян с одной целью – прощупать почву. Вот уж действительно: с волками жить – по-волчьи выть. Но ведь во всём, как заметил Павел, должна быть мера. Интересно, какова эта мера у самог*о* Паши? Как далеко он успел зайти? На что теперь способен ради жирного куска? В груди у Антона заныло. Неужели человек может так сильно измениться? Где *то* нищее, светлое, благословенное время, когда они друг за друга готовы были пойти на смертельный риск? Ушло то времечко. Навсегда ушло. Его больше нет.

Выпив коньяку и легко закусив, друзья-соперники отправились в парн*у*ю. Борщов беспрестанно балагурил, стараясь поднять настроение своим гостям. Впрочем, гости и без того не слишком грустили, хотя Павлу, как видно, наезд друга слегка испортил настроение. Все трое забрались на полок, на самый верх.

– Ну, держитесь! – крикнул хозяин, плеская на каменку.

Жгучий пар заставил их на какое-то время замереть неподвижно. Вскоре волна жара схлынула. Пришло ощущение комфорта и удовольствия. В воздухе стоял приятный древесный запах, источаемый кедровыми стенами. В первый заход просто посидели на полоке, погрелись без веников. Потом выбежали из бани и с помоста попрыгали в пруд. Остыв-

шая сентябрьская вода обожгла холодом. Но распаренная компания ещё несколько минут плескалась в холодной воде, громко восклицая и фыркая от удовольствия. Почувствовав озноб, опять побежали в парилку, чтобы вновь согреть свои озябшие тела. И лишь после этого друзья вернулись к застолью. Обернувшись простынями, они заняли свои места за столом.

Александр наполнил стопки коньяком и произнёс тост:

– Будем здоровы! А также успешны и богаты! Вам, ребята, открылась дорога в настоящую жизнь. Вы в неё ещё не вошли, но уже находитесь, как бы сказать, в её предбаннике. Стучите – и вам откроют. Важно знать, как надо стучать.

– И знать, на кого «стучать», – с ухмылкой добавил Коржин.

Шутку не оценили. Антона она неприятно царапнула. Борщов бросил на Павла недовольный взгляд.

– А вот этого я не говорил. Это *ты* сказал. Ну да ладно, не будем омрачать наш праздник мелочами. Выпьем!

Они опорожнили стопки и принялись за еду.

– Однако вернёмся к теме, – сказал Александр. – Вот скажи мне честно, Антоша, тебе здесь нравится?

– Слов нет! – ответил Антон. Потом добавил, смеясь: – Вижу, нагрузил я вас, парни. Не сердитесь. Просто напал на меня бес противоречия, вот я и вредничал. Не знаю сам, в чём причина, – он встал из-за стола. – Ну что, народ, не пора ли нам опять в парилку?

– На этот раз без меня, – изрёк хозяин, засовывая в рот ломтик севрюги. – Пропущу один заход.

Гости зашли в парную, сбросили простыни. Толмачёв окинул взглядом торс своего друга: слева чуть ниже ключицы краснело неровное пятно размером с двухрублёвую монету. Потом вгляделся в лицо. Похож, несомненно похож на всех троих смертельных друзей из прошлых жизней, хотя ни усов, ни бороды у синеглазого друга Паши нет.

– Павлуша, что за пятно у тебя возле левого плеча? – спросил Антон.

Павел ответил ему удивлённым взглядом.

– Вот те раз! Ты что – раньше его не видел?

– Да как-то не обращал внимания. Откуда оно у тебя?

– От верблюда. Родился я с ним. Почему оно тебя вдруг заинтересовало?

– Да так… – Антон неуверенно пожал плечами. – Смотрю – пятно. Думаю: откуда? То ли было раньше, то ли нет? Вот я и спросил.

Коржин пристально посмотрел ему в глаза.

– Антоха, что происходит? Мы с тобой сколько лет знакомы? Четверть века, пожалуй. Даже чуть больше. А вот сегодня смотрю на тебя и не узна*ю*.

Антон тряхнул головой и рассмеялся.

– Прости, Паша. Заморочил я тебе голову. Сегодня я сам себя не узна*ю*. Видимо, нервный перегруз даёт о себе знать. Виноват! Исправлюсь!

– Ну, раз виноват – отвечай! Ложись-ка на полок. Я тебя за твои выходки веником отхлещу. Готов понести наказание?

– Я-то готов. Но ты учти: получишь сдачу. Я тебе тоже задницу веником надеру.

– Ну что ж, приступим.

Павел плеснул на каменку и энергично заработал связкой дубовых веток. Лёжа на жарком полоке под градом горячих и мягких ударов, Антон напряжённо размышлял. Если курс гипнотерапии на деле являлся прямым внушением, о чём мог свидетельствовать странный голос во время последнего сеанса, то цель его могла быть лишь одна: спровоцировать подозрения в адрес старого друга и толкнуть на превентивные действия для собственной безопасности. Борщов уже посещал баню в компании Коржина и, соответственно, видел расположение отметины на его теле. Но ведь с Антоном он прежде не бывал вместе ни в бане, ни на пляже. Как же мог он узнать о крупной родинке, расположенной на груди? Нет, тут что-то не сходилось. Требовалось как-то разобраться в этом вопросе.

– Ну что, полегчало? – спросил Борщов, когда его гости вышли из парилки.

– Не то слово, – ответил Антон. – Мне кажется, что за спиной крылья выросли. Причём, у обоих.

– Тогда прошу за стол, ангелы.

Александр вновь наполнил стопки. Звякнув стеклом, дружно выпили.

– Да, благодать у тебя, – с чувством сказал Павел. – Что ещё нужно человеку для счастья?

– А что, разве больше ничего не нужно? – хозяин заговорщицки подмигнул гостям. – Может, девочек закажем? В течение часа доставят. У меня есть надёжный канал.

– Ст*о*ит ли рисковать? – усомнился Коржин. – Зачем давать повод для шумихи?

– Брось, Паша! Никакого риска, – заверил Борщов. – Всё будет шито-крыто. Ни одна падла не пронюхает. За безопасность головой ручаюсь. Соглашайся!

Павел ещё немного посомневался, а потом махнул рукой.

– Ладно, уговорил.

Теперь они вдвоём смотрели на Толмачёва.

– Я «пас», – сказал Антон.

– Чего так?

– Ты, Санёк, мужчина разведённый, свободный. Можешь делать всё, что тебе заблагорассудится. А у меня семья.

– А как же Паша? У него тоже семья.

– У Паши своя голова.

– Ну вот, опять ты заартачился, – недовольно проворчал Александр. – Чего тебе сегодня неймётся? Семья у него! Не чеши языком, и никто ничего не узнает. Я же сказал, что канал надёжный. Девчонки своё дело знают. Сл*о*ва лишнего нигде не скажут. Они же не дуры, чтобы терять такой источ-

ник дохода. А нам с Павликом языком трепать – значит, себе яму рыть.

– И всё же я против, – упрямо повторил Толмачёв.

– Почему, чёрт возьми?!

– Потому что нельзя.

– Опять свой «облико-морале» выпячиваешь?

– Дело не в морали, а… как бы тебе сказать… – Антон немного подумал, подбирая слова. – Слишком много радостей для одного дня. Сердце может не выдержать.

– Я понял, – сказал Александр. – Ты напрягся из-за Пашиной фразы насчёт «настучать». Но ведь это была шутка. Дурацкая, конечно, но шутка. Мы же тут все свои. Одна команда. И мы останемся одной командой, кто бы из нас не оказался на коне. Если усвоим эту простую истину, то все будем в выигрыше при любом исходе выборов. Поэтому у нас не должно быть никаких разногласий и секретов друг от друга.

– А у меня от вас и нет никаких секретов, – заверил Коржин. – Чего мне скрывать?

Антон саркастически хмыкнул.

– Нет секретов, говоришь? Как же! В прошлом году ты с Саней в тайгу умотал, а мне даже сл*о*ва об этом не сказал.

– Чёрт бы тебя подрал! – возмутился Павел. – Опять недоволен! Что на тебя сегодня нашло? Ты же постоянно твердишь, что тебя совсем не тянет на природу, что тебя там достают комары, мошки, клещ*и*, медведи, крокодилы…

– Но сказать-то мог?

– Эй, парни, в чём дело? – одёрнул их Александр. – Чего расшумелись? Нет никакой проблемы. Давайте опять наведаемся в Пашины владения – на этот раз втроём. А что, неплохая идея! Я отпрошу всех нас у шефа на три-четыре дня. Прихватим карабины, поохотимся. Никто там Антона беспокоить не будет. Насекомых уже нет. А медведи и крокодилы готовятся к спячке. Короче, предложение поступило. Теперь приступаем к голосованию. Кто «за»?

Борщов поднял руку. Коржин, немного помедлив – тоже. Антона охватило волнение. Он почувствовал, что этот выезд на природу даст ответ на мучающий его вопрос, расставит все точки над «i». Возможно, там, в таёжной глуши, будут сброшены маски, и тогда можно будет увидеть настоящие лица коллег из «единой дружной команды». Конечно, ситуация может повернуться самой неожиданной стороной. Всё может кончиться плохо, даже очень плохо. Но если принять меры безопасности…

У Антона вдруг возникла идея. Его сотрапезники тем временем вопросительно смотрели на него, продолжая держать руки поднятыми. Толмачёв улыбнулся и тоже поднял руку.

– Вот и славно! – удовлетворённо произнёс Борщов. – По второму вопросу консенсус достигнут. А как по первому?

– Насчёт девочек? – уточнил Антон.

– Ну да. Мы с Пашей – «за». Теперь слово за тобой.

– Я же сказал…

– Ну, сказал – предварительно. А сейчас я хочу услышать твоё окончательное слово.

Александр выжидающе смотрел на Антона. Он по-прежнему говорил бодро и беспечно улыбался, но Толмачёв вдруг нутром почувствовал его напряжение. Всё-таки что-то было не так. Чтобы немного потянуть время, Антон налил себе коньяку, выпил и неторопливо закусил. Потом сказал:

– Я, Санёк, тоже «за». Но не сейчас. После выборов вернёмся к этой теме. А пока – извини!

Борщов воздел руки к небу, демонстрируя своё горькое разочарование. Коржин вдруг о чём-то задумался, переводя настороженный взгляд то на Антона, то на Александра. Видимо, и он почувствовал внутренне напряжение гостеприимного хозяина, тщательно скрываемое за наигранной бодростью. Сам же Павел, казалось, держался вполне естественно и никаких ролей не исполнял. Антон опять подумал о том, что его подозрения в адрес старого друга, вероятно, искусственно навязаны и не имеют под собой реальной почвы.

Поскольку главные темы были оговорены, оставшееся время провели спокойно, без споров и эмоций. Александр ещё раз напомнил коллегам, что они «одна команда» и что должны доверять друг другу.

Они ещё дважды посетили парилку. Ещё один раз отважились прыгнуть с помоста в холодную воду пруда. На этом праздничные мероприятия были закончены. Выпили «на посошок», закусили, после чего разъехались по домам. По по-

воду запаха алкоголя, исходящего от всех троих, двое из которых были за рулём, никто не заморачивался. Машины с номерами областной администрации сотрудники ГИБДД не останавливали.

Глава 4. Непредвиденные обстоятельства

На воскресенье у Валентины было запланировано немало дел: фито-ванна, массаж, солярий, маникюр, педикюр и множество других не менее важных мероприятий. Без этих процедур, проводимых как минимум один раз в неделю, Валентина Толмачёва теперь не представляла своей жизни. Непонятно, как она обходилась без всего этого ещё какие-то два года тому назад. Но условия жизни изменились, а вместе с ними – вкусы, запросы и потребности.

Антон отвёз супругу в оздоровительно-косметический центр и вернулся домой. Пройдя в квартиру, он снял со стены картину, закрывающую собой встроенный в стену сейф. Аккуратно набрал шифр, затем вставил в замочную скважину ключ и повернул его. Массивная дверца легко распахнулась, открывая взору содержимое сейфа. Здесь хранились наличные запасы Толмачёва в рублях и в валюте, драгоценности его супруги, а также важные документы. Но не только. С волнением в груди Антон просунул руку в узкую щель над верхней полкой и вынул оттуда короткоствольный револьвер «Бульдог».

Это оружие и пачку патронов к нему Толмачёв приобрёл в конце девяностых недорого и совершенно случайно у какого-то проходимца. Своё приобретение он держал в секрете,

не показывая его даже друзьям и родственникам. Рисковать не хотелось. Опасался он не только милиции, как она тогда называлась, но и противоположного контингента. Времена были бандитские, приходилось осторожничать. Однако оружие имелось, и очень хотелось им попользоваться. На своей видавшей виды «шестёрке» Антон несколько раз выезжал за город, чтобы найти глухое место и опробовать своё сокровище. Стрельба из красивого, даже изящного оружия доставляла удовольствие, но такие случаи были редки – приходилось экономить патроны.

С поступлением на работу в областную администрацию ситуация круто изменилась. Появилась возможность регулярно пополнять запас боеприпасов. Теперь уже не было необходимости экономить – ни деньги, ни патроны. Жизненные условия изменились круто. Но, как ни странно, вместе с материальным благополучием в жизнь Антона вместо удовлетворения вошли совсем иные чувства. Он всё чаще стал испытывать приступы тоски и одиночества. Он очень быстро охладел к супруге, которая целиком и полностью окунулась в «красивую жизнь». Круг общения как-то незаметно сменился. Из прежних друзей остался только Паша Коржин.

И хотя с новой должностью Толмачёв успешно справлялся и чувствовал себя на *своём* месте, в душе всё сильнее ощущался дискомфорт. Теперь он всё чаще и чаще выезжал в загородный лесок, где снимал стресс, расстреливая, «не жалея патронов», пластиковые бутылки и жестяные банки из-под

пива.

Полгода тому назад в его жизнь вошла Лариса Потапова, кардинально изменив настроение и жизненный тонус. Всё, что было до неё, ушло в прошлое, безвкусное, серое время, которое Антон в шутку называл «допотапным». Он словно вдохнул свежий воздух, снова ощутив горячий интерес к жизни. Отпала необходимость снимать стрессы, и он положил своё оружие в сейф, где оно пролежало невостребованным несколько месяцев.

И вот совсем недавно на него вдруг накатила невесть откуда взявшаяся тревога – гнетущая, выматывающая душу. Теперь же ситуация и вовсе складывалась так, что револьвер мог оказаться ему просто необходимым для защиты собственной жизни. А значит, требовалось восстановить утраченные за полгода навыки стрельбы.

Борщов, как и обещал, обеспечил их троих отгулом на три дня. Плюс два выходных. Итого, в распоряжении у друзей-сослуживцев было пять дней для вояжа в таёжную глушь. Выезд запланировали на начало октября. То есть в запасе у Антона имелось примерно десять дней.

Сунув в карманы револьвер и пачку патронов, Антон запер сейф. Затем прошёл на кухню. Пустых бутылок и банок он не обнаружил, поэтому взял упаковку крупных одноразовых стаканов, после чего вернулся к машине. Однако, сев за руль, усомнился, надо ли «светиться» на своём слишком заметном автомобиле с «блатными» номерами. Да ещё с та-

кой низкой посадкой раскатывать по лесу. Он загнал «Мерседес» в подземный гараж и пересел в старый «Жигулёнок» шестой модели, от которого всё ещё не избавился.

Выехав за город, Антон свернул с трассы. Эти места были ему знакомы. Надо было проехать около четырёх километров по грунтовой дороге, петляющей между берёз и осин, затем свернуть на траву и добраться до поляны, на которой он уже не раз проводил стрельбы.

Он безошибочно определил место, где следовало свернуть в сторону поляны. Машина легко преодолела небольшой бугорок и побежала по траве, покачиваясь на кочках. Добравшись до поляны, Антон заглушил двигатель. Вынул из одного кармана револьвер, из другого пачку патронов, раскупорил её и зарядил барабан. Прихватив стопку одноразовых стаканов, вышел из машины и направился к поваленному дереву на краю поляны. На этом дереве, лежащем почти горизонтально, он расставил пластиковую посуду. Затем отошёл от импровизированных мишеней на пятнадцать шагов и стал тщательно прицеливаться. Попасть с такого расстояния в стакан из револьвера было довольно сложно.

Вдруг он замер, охваченный волнением. Прямо по ходу предполагаемой стрельбы за деревьями примерно в пятидесяти метрах от него стоял легковой автомобиль. Скрипнув зубами от досады, Антон осторожно опустил курок и спрятал оружие в карман. Намеченное мероприятие откладывалось на неопределённое время. Чёрт возьми, кому и зачем

потребовалось забираться в лес? Грибной сезон закончился. Знать бы, чем заняты приехавшие сюда люди и сколько времени они собираются здесь пробыть. Тогда можно было бы определиться, ст*о*ит ли ждать, когда они уедут или самому садиться за руль и сматываться отсюда. Поскольку ответа на свой вопрос Антон не знал, то продолжал стоять в нерешительности.

Однако долго ждать не пришлось. За деревьями мелькнули силуэты людей, и вскоре Толмачёв смог разглядеть, что к машине подошли трое мужчин. Они негромко, но эмоционально переговаривались между собой. Появилась надежда, что нежеланные соседи скоро покинут это место. И действительно, незнакомцы распахнули дверцы легковушки, собираясь занять свои места.

Вдруг один из них повернул голову и замер, увидев Антона. Он что-то сказал своим спутникам, и вот они уже трое смотрели на Толмачёва. Потом мягко, по-кошачьи, озираясь по сторонам, двинулись к нему. Антон попятился к своей машине, чувствуя нарастающую тревогу. Тем временем троица вышла на противоположный край поляны. Идущий посередине вынул из-под полы обрез одноствольного охотничьего ружья и нацелил его на Антона.

– Стой на месте! – распорядился он. – Дёргаться не советую. Схлопочешь пулю. Не пытайся сбежать.

– Не повезло тебе, мужик, – сказал второй. – Ты оказался в ненужном месте и не в*о*время.

Они шли медленно, продолжая держать свою жертву на прицеле. Но, тем не менее, расстояние катастрофически сокращалось. Между ними оставалось уже не более пятнадцати метров. Антон выхватил из кармана «Бульдог», взвёл курок и направил револьвер на идущего посередине и вооружённого обрезом бандита. Все трое резко остановились, бросая друг на друга вопросительные взгляды.

– Мужик, а ты точно сможешь выстрелить? – с едва прикрытой насмешкой спросил средний.

В этом Антон и сам был не слишком уверен. Он стоял с револьвером в вытянутой руке, с большим трудом сдерживая нервную дрожь. И хотя он понимал, что эти трое представляют для него смертельную опасность, всё же выстрелить в человека – даже такого – оказалось несравнимо трудней, чем в пластиковую бутылку или жестяную банку. Как же он собирался стрелять в своего старого друга в случае подтверждения на его счёт своих тяжких подозрений?

Бандиты тем временем напряжённо наблюдали за ним. Откуда они взялись? Какого чёрта припёрлись сюда? Что им тут понадобилось? А ведь не исключено, что они над кем-то только что учинили расправу. А он, Антон Толмачёв, появился здесь совсем некстати для них. И вот теперь он стоял с оружием в руке на лесной поляне напротив своего тоже вооружённого врага – почти как во время последнего сеанса регрессии. С той лишь разницей, что теперь оба секунданта были на стороне противника. И поскольку слово «честь» им

было абсолютно чуждо, на элементарную порядочность в их действиях рассчитывать не приходилось.

Антон понял, почему его враг не спешит стрелять: в случае промаха одноствольный обрез превратился бы в бесполезную игрушку против шестизарядного «Бульдога». Перезарядить его он мог просто не успеть. Эта мысль немного успокоила Антона, но внутреннее напряжение оставалось достаточно высоким.

– А он не блефует? – полу-утвердительно спросил тот, что стоял слева. – Может, его пушка только имитирует настоящую.

– Сейчас проверим, – ответил средний. – Заходите с боков.

Двое его сообщников стали расходиться в разные стороны, одновременно приближаясь к потенциальной жертве. Ситуация становилась критической и требовала решительного действия. Антон отвёл руку в сторону, направляя ствол под ноги тому, кто пытался зайти справа, и спустил курок. Грохнул выстрел. Пуля выбила небольшой фонтанчик земли почти у самой подошвы молодого мужчины. Такая меткость была чисто случайной, однако впечатление произвела. Вооружённый обрезом бандит медленно отвёл руку с оружием в сторону.

– Всё, братва, закругляемся, – объявил он. – Расходимся по мирному.

Его дружки нехотя отступили назад. Антон продолжал

держать их под прицелом, поочерёдно переводя ствол револьвера с одного на другого. Тот, кто был посередине, щёлкнул фиксатором, и ствол обреза наклонился, обнажая торец гильзы. Бандит извлёк патрон из ствола и сказал:

– Видишь, мужик, мы тебе уже не угрожаем. Опусти пушку, а то, чего доброго, пальнёшь с перепугу. Сейчас мы вернёмся к своей машине и тихонько уедем отсюда. А ты про нас забудешь навсегда, если не спешишь на тот свет. Номер твоей тачки мы срисовали. Стой здесь тихонько и десять минут ничего не предпринимай. Всё понял?

Антон молча кивнул. Парни повернулись и ушли. Вскоре их машина, мелькая за деревьями, проехала в сторону дороги и скрылась из виду. Антон обессиленно опустился на траву, испытывая во всём теле дрожь. Только сейчас он почувствовал в полной мере, как сильно был напряжён. Запланированная проверка уровня стрелковой подготовки обернулась экзаменом на психологическую устойчивость. И этот экзамен он едва не провалил.

* * *

К назначенному времени Толмачёв подъехал к центру, в котором его супруга проходила свои еженедельные процедуры. Он загнал машину на стоянку и стал ждать, всё ещё находясь под впечатлением недавних событий. Вскоре появилась Валентина. Подойдя к стоянке, она стала разгляды-

вать поставленные там автомобили, пытаясь увидеть знакомый «Мерседес». Антон вышел из салона «Жигулей» и помахал ей рукой.

– Валя, я здесь!

Она увидела его. Её глаза испуганно округлились. Валентина шагнула назад, затравленно озираясь по сторонам. Ничего не понимая, Антон стремительно направился к ней. Подошёл, взял за руку.

– Валя, в чём дело?

Она выдернула руку из его ладони и гневно зашипела:

– Ты с ума сошёл?! Хочешь опозорить меня? Здесь солидная публика.

– Чем я тебя могу опозорить?

– Посмотри, как ты одет!

Антон взглянул на свою одежду. Одет он был просто, но чисто и опрятно. Чем она недовольна?

– Я нормально одет, – сказал он, едва сдерживая раздражение. – Прекрати этот спектакль. Идём к машине!

Она решительно затрясла головой.

– Ну, уж нет! Я в это корыто не сяду.

В груди Антона вдруг змеёй зашевелилась злость. Весь накопившийся пар разом вырвался наружу.

– Ах, вот оно что! – почти закричал он, уже не сдерживаясь. – Ты теперь важная дама! Тебе лимузин подавай! Ну и чёрт с тобой! Не хочешь – не надо. Вызывай такси. А ещё лучше – позвони Саше Борщову. Пусть он за тобой приедет.

У него много машин, и все «крутые». Тебя устроят.

Валентина застыла на месте, открыв рот от испуга.

– Антон, что ты несёшь?! При чём тут Саша Борщов?

– При том! – продолжал кипеть он. – У тебя с ним много общего. И слышишь его на расстоянии, и выражаешься так же, как он.

Он хотел ещё что-то сказать, но лишь махнул рукой и вернулся к машине. Спустя полминуты его «шестёрка» выехала со стоянки и помчалась по шоссе. Антон вёл машину очень резко и неосторожно, периодически создавая опасные ситуации и получая от других водителей неслышные ему ругательства. Но сейчас ему было абсолютно наплевать на мнение окружающих. Всё тело сотрясалось от гнева. Недавний взрыв эмоций не снял нервное напряжение. Напротив, накопившаяся досада, недовольство, раздражение прорвались в нём неудержимым потоком, с которым он уже не в силах был совладать.

Однако вскоре он понял, что быстрая и рискованная езда не поможет ему успокоиться, а, скорее всего, закончится неприятностями, как и попытка пострелять в лесу. Для восстановления нервной системы требовалось другое, более эффективное лекарство. Эликсир на все случаи жизни.

Немного поколебавшись, Антон позвонил Ларисе.

– Мне необходимо с тобой поговорить, – сказал он в трубку.

– Антон, я сейчас у подруги в гостях, – сообщила она. –

Давай перенесём встречу на вечер.

Толмачёв немного подумал. Нет, до вечера он ждать не хотел и не мог. Душу лихорадило от избытка эмоций.

– Лариса, мне очень нужно встретиться с тобой сейчас. Я не могу ждать. Извинись перед подругой.

– Хорошо, – уступила она. – Я быстро соберусь и поеду домой.

– Не надо домой ехать. Назови мне адрес подруги. Я тебя заберу.

Спустя четверть часа он подъехал по указанному адресу. Лариса ждала его у подъезда. Она знала, что у её кавалера чёрный «Мерседес», поэтому на вишнёвую «шестёрку» не обратила внимания. Антон посигналил. Женщина увидела его, подошла к машине и села на переднее сидение рядом с ним.

– Я надеялась, что меня сегодня покатают на лимузине, – сказала с улыбкой. – Забыла, что тебе надо соблюдать конспирацию.

– Дело не в конспирации, – ответил Антон, трогаясь с места. – Я сегодня с утра езжу на этой машине, – он невесело усмехнулся. – Моя благоверная не захотела садиться в неё. Назвала корытом. Скандал мне устроила.

– Ты обиделся и в отместку решил покатать любовницу?

– Нет, Лариса. Мне действительно очень нужно поговорить с тобой. Это во-первых. А во-вторых: ты мне не любовница, а любимая женщина и будущая жена.

Она посмотрела в окошко.

– Куда мы едем? Я живу в другой стороне.

– Мы не поедем к тебе. Погуляем в лесочке.

– Отчего так?

– Есть причины.

Женщина немного помедлила, после чего вкрадчиво спросила:

– Может быть, ты кого-то боишься?

– Да, – сказал Антон. – Я жутко боюсь ваших бабок у подъезда. Они страшнее эфэсбэшников. Всех видят насквозь.

Лариса лукаво взглянула на него.

– А может, ты боишься, что ко мне Серёжа придёт? – продолжала наседать она.

– Точно! Припрётся не вовремя. Знаешь, дорогая, я не хочу слышать о нём даже в шутку. Понимаю, что в данной ситуации не могу ставить тебе условия, но всё же прошу не будоражить мою ранимую душу.

Она прижалась к его плечу.

– Ну, чего ты, Антоша! Тебе не надо волноваться. У меня с Сергеем отношения чисто платонические. Пьём чай и разговариваем. Вот и всё.

– Нет, не всё, – упрямо возразил Антон. – Вы ещё конфеты едите. А это уже почти измена.

– Мне нравится, как ты шутишь, – сказала Лариса. – У тебя хорошо развито чувство юмора.

Он бросил на неё пристальный взгляд.

– Ты полагаешь, что это была шутка? Я и не знал. Честно говоря, мне сейчас вообще не до шуток.

Лариса перестала улыбаться.

– Честно говоря, мне тоже не до шуток.

– А тебе почему? Я полагал, что у тебя всё прекрасно: молода, красива; в услужении два поклонника и претендента на твоё сердце.

– В том-то и беда, что не два, а три.

– Так-так! – Антон побарабанил пальцами по рулевому колесу. – Давай-ка подробнее. Кто ещё нарисовался на горизонте?

– Да есть один… отморозок.

Толмачёв опять резко взглянул на неё.

– Отморозок? Откуда взялся? Что у тебя общего с ним?

Она устало прижалась затылком к подголовнику.

– Ничего. Только то, что живёт по соседству. Он мне по молодости проходу не давал. Даже угрожал зарезать, если не отвечу на его домогательства. К счастью, до смертоубийства дело не дошло, поскольку вскоре его посадили. Он отсидел, вышел и очень скоро куда-то исчез. Потом прошёл слух, что он опять получил срок. Потом, кажется, ещё. В наших краях его не было много лет. А вчера вечером я вышла за хлебом и столкнулась с ним.

– И он сразу стал к тебе приставать?

– Да. Сказал, что все эти годы только обо мне и думал; что я разбила ему сердце, сломала жизнь, испоганила душу

и поэтому должна взять его к себе на пожизненный срок.

– Он действительно может зарезать?

– Меня? Не знаю. Наверное, нет. А вот тебя может. И Сергея тоже.

– Так-так! – опять пробормотал Антон. – Теперь слушай меня, Лариса. Отморозку не груби. Постарайся держать с ним вежливую дистанцию. Не обольщайся на его счёт – он для тебя ещё более опасен. Сергей у тебя пусть пока не появляется. Впрочем, почему «пока»? Пусть вообще забудет к тебе дорогу! Конфеты я тебе сам буду покупать.

– Хорошо. С конфетами мы определились, – сказала Лариса. – А как быть с отморозком? Не могу же я бесконечно держать вежливую дистанцию.

– С ним я разберусь, – пообещал Антон, с грустью подумав о том, что за помощью придётся обращаться к одному из своих «вероятных противников».

– Когда разберёшься? И как?

– Отвечаю на первый вопрос: не позднее завтрашнего дня. На второй вопрос давать ответ не вижу необходимости. Важен результат. А он, надеюсь, будет. Расскажи всё, что знаешь, о своём криминальном поклоннике.

Антон вынул из кармана цифровой диктофон, включил его и передал пассажирке.

– Его зовут Карпатов Михаил, – стала диктовать информацию Лариса. – Отчество, кажется, Александрович. Мой ровесник. Живёт в соседнем подъезде с матерью в квартире

сорок шесть. Вот, пожалуй, и всё.

– Этого достаточно, – сказал Антон, забирая диктофон. – Однако мы приехали.

Он свернул с шоссе на грунтовую дорогу, проехал по ней метров триста и остановил машину среди высоченных деревьев соснового бора. Вышли из салона. Лариса взяла своего спутника под руку, и они побрели по жёлтой осенней траве. Погода стояла мягкая, тёплая. Светило клонящееся послеполуденное солнце, пробиваясь сквозь стволы сосен. Небольшой ветерок с лёгким шумом шевелил высокие кроны деревьев, вселяя в души гуляющих здесь людей покой и умиротворение. Это благостное чувство не хотелось нарушать разговорами, поэтому первое время бродили молча. Потом Лариса нарушила молчание.

– Ты хотел о чём-то поговорить со мной.

– Да, – сказал Антон. – У меня возникли нерешённые вопросы и связанные с ними сомнения. Ситуация очень серьёзная, требует каких-то решений, а я не могу определиться со своей позицией. Это меня напрягает и изматывает. Хочется с кем-то посоветоваться или хотя бы излить душу. И ты знаешь, я вдруг обнаружил, что кроме тебя никому не могу довериться, – он заглянул в глаза своей спутнице. – Ты готова меня выслушать?

Лариса остановилась, тронула рукой его спутанные ветром волосы.

– Зачем спрашиваешь? Ты сам знаешь ответ на этот во-

прос.

– Разговор будет долгим.

– Разве мы спешим?

– Да, верно: спешить нам некуда, – сказал Антон.

Он собрался с мыслями. Но прежде, чем приступить к рассказу, спросил:

– Скажи, Лариса, если я не стану губернатором, ты не изменишь ко мне своего отношения?

Она смотрела на него удивлённо и немного растерянно.

– Разумеется, нет. Но я не понимаю, почему ты сомневаешься в своей победе? Твои шансы очень велики.

– Я не об этом. Видишь ли… Может быть, будет лучше, если я вообще откажусь от участия в выборах?

– Но… почему?!

Антон тяжело вздохнул.

– Я перестал понимать ситуацию. Вокруг меня происходит какая-то возня. Кто-то что-то замышляет, а я не могу разобраться в своих подозрениях. Возможно, мне грозит серьёзная опасность. При этом падает тень на человека, которому я бесконечно доверял, и который теперь, якобы, эту опасность представляет. А я уже не знаю, кому верить, а кому нет.

Лариса пожала плечами, как бы выражая своё недоумение.

– Антон, но это же обычное явление в борьбе за власть. Тебя пытаются вывести из равновесия, напугать, деморали-

зовать. Не поддавайся на провокации.

Антон смотрел в её ясные серые глаза, и чувствовал, как его душа наполняется тягостной, щемящей болью и какой-то нездешней тоской. Нет, не этих слов он ждал от неё. Других, совсем других. Но всё же почему у него такая болезненная реакция? Что с ним вообще происходит?

– А если мне действительно грозит опасность? Такую возможность ты не допускаешь?

Лариса улыбнулась и мягко погладила его плечи.

– Ах ты, мой рыцарь! Ну чего ты так разволновался? Обещаешь разобраться с матёрым уголовником, а сам кабинетных крыс испугался.

Боль и тоска как-то разом покинули душу, не оставив ничего вместо себя. Осталась только пустота.

– Наверное, ты права, – сказал Антон. – Действительно: чего мне бояться? Ну что же, пора возвращаться к машине.

Лариса почувствовала неладное. В лице появилась тревога.

– Антоша, что с тобой? Я тебя обидела? Ну, прости меня! Ты хотел мне что-то рассказать. Говори – я внимательно выслушаю.

– Знаешь, я передумал. Не о чем рассказывать. Ты правильно назвала причину: я просто напустил на себя страху.

Он повернулся и пошёл. Лариса устремилась за ним.

– Анто-о-он! – жалобно, почти нараспев крикнула она. – Ну, чего ты как ребёнок? Обиделся и замолчал. Ну, дура я,

дура! Не сообразила сразу, не почувствовала твоего состояния. Но ведь всё можно исправить.

Он продолжал идти, не оборачиваясь. Лариса остановилась и громко сказала:

– Я не поеду с тобой.

Антон остановился, обернулся.

– Что?!

– Что слышал! Я не сяду в твою машину, пока мы не поговорим.

– Не глупи! – он подошёл к ней, потянул за рукав. – Уже вечереет. Как ты будешь добираться?

Она резко отдёрнула руку.

– Не твоя забота.

Он немного постоял молча, потом сказал:

– Хорошо, мы непременно поговорим. Но не сейчас.

– Почему?

– Потому что я не люблю хвататься за несколько дел сразу. У нас на данный момент есть две проблемы. Мы их решим поочерёдно. Сначала займёмся твоим уголовником, а уж потом моими тайными врагами.

Лариса недоверчиво смотрела на него.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Они вернулись к машине и вскоре покинули сосновый бор. По пути пытались поговорить на посторонние темы, но разговор не клеился.

* * *

Утром Толмачёв заглянул в кабинет вице-губернатора.

– Не занят? – спросил он хозяина кабинета.

– Я для своих всегда свободен, – приветливо отозвался Борщов. – Чем обязан визиту будущего моего начальника?

Пропустив мимо ушей лесть, замешанную на сарказме, Антон сказал:

– Саша, Мне твоя помощь нужна. Могу на тебя рассчитывать?

– Антон, что за вопрос?! – театрально воскликнул Борщов. – Я для друзей сделаю всё, что в моих силах. В чём проблема?

– Видишь ли, одну мою хорошую знакомую терроризирует уголовник, живущий по соседству. Надо как-то избавить её от этого отморозка.

В лице Александра Михайловича мелькнуло любопытство.

– Как терроризирует? Оскорбляет? Угрожает? Распускает руки?

– Домогается. И угрожает расправой, если своего не добьётся.

– Ага, понятно. Стало быть, твоя знакомая – девочка ничего себе. За такую сам Бог велел заступиться. Не волнуйся, Антоша, решим мы эту проблему. Давай мне имена и адреса

участников драмы. Когда вопрос будет решён, я тебе сообщу о результатах.

Антон Владимирович положил на стол листок, на котором были записаны данные Карпатова. Борщов заглянул в листок, затем вопросительно посмотрел на посетителя.

– А где информация о женщине, которую он преследует?

– Но… разве нельзя обойтись без этого? – неуверенно спросил Антон. – Надеюсь, ты понимаешь, что я ничего не выдумал?

– Я-то понимаю. А вот ты чего-то не понимаешь. Неужели думаешь, что я пойду и лично разберусь с уголовником? Нет, дорогой. Придётся подключить полицию. А им потребуется полная информация. Хочешь, чтобы и я стал уверять их, что ничего не выдумал? Кроме того, твоей знакомой угрожает серьёзная опасность, и к ней необходимо срочно приставить охрану.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Толмачёв.

Он дописал на листочке фамилию и адрес Ларисы. Делать это ему очень не хотелось, но другого выхода не было.

Когда Антон вышел из кабинета, Борщов ещё с минуту задумчиво смотрел на закрывшуюся за ним дверь, потом снял с телефонного аппарата трубку.

– Кудасов слушает, – послышался сухой официальный голос.

– Вадим Иванович, дорогой! – в привычной манере заго-

ворил хозяин кабинета. – Борщов беспокоит. Как поживаешь?

– А, Александр Михайлович! Рад тебя слышать! – тон собеседника изменился до неузнаваемости. – Что заставило тебя вспомнить скромного служителя закона?

– Ну, насчёт скромности ты, конечно, поскромничал. Могу с тобой согласиться, если ты имел в виду свои человеческие качества. А что касается твоей значимости – тут уж извини, господин генерал! Помнишь, как писал поэт: «Розовые лица, револьвер жёлт. Моя милиция меня бережёт»?

Кудасов засмеялся.

– Увы, Михалыч, милиции больше нет. Теперь мы полицаи. Вот до чего дожили! Но давай о деле. Ты ведь не просто так звонишь?

– Ты прав, Вадим. Есть у меня к тебе дело. Надо помочь одному моему коллеге по работе, другу и просто хорошему человеку. Толмачёв его фамилия. Надеюсь, объяснять не надо…

– Ну, как же! Кто же теперь не знает Антона Владимировича? Он тебе не только друг и коллега, но и соперник. Причём, кажется, очень серьёзный.

– Ах, оставим эти мелкие нюансы, – небрежным голосом отреагировал Александр Михайлович. – Они вызывают в людях подлые низменные чувства, которые нас не достойны. Мы ведь тоже простые скромные люди. Зависть и злопыхательство нам не свойственны.

Собеседник чуть слышно хмыкнул и спросил:

– Так что за проблема у нашего Антона Владимировича?

– Проблема не у него, а у его близкой знакомой. Ей не даёт проходу уголовный элемент, живущий по соседству. Грозится зарезать. По всей видимости, этот тип очень опасен. Надо оградить от него бедную женщину со стопроцентной гарантией.

– Не волнуйся, Александр Михайлович. Сегодня же прессонём этого выродка так, что он исчезнет с горизонта и больше в нашем городе носа не покажет, – заверил генерал. – Скажи мне, кто он и где обитает? И, кстати, не мешало бы знать то же самое о женщине, которую он преследует.

Борщов продиктовал необходимую информацию, после чего сказал:

– И ещё, Вадим, на этот счёт у меня к тебе есть личная просьба. Я уже говорил, что эта женщина – близкая знакомая Толмачёва. Постарайся как-нибудь поаккуратнее выяснить, насколько она ему близкая.

– Так, понял, – сказал Кудасов. – И это сделаем. Дам задание толковому оперу и лично проконтролирую.

– Вот и ладненько! – весело отозвался вице-губернатор. – До связи, дорогой!

Положив трубку на аппарат, он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он всегда так делал, когда требовалось обдумать что-то важное.

Глава 5. Полоса отчуждения

Карпатов Михаил исчез так же внезапно, как и появился. Куда он пропал, никого не интересовало. Никто его не искал и не наводил о нём справок. Не искала его и родная мать, напуганная появлением родного чада и теперь облегчённо вздохнувшая. Словно сюда являлся не человек, а зловещий призрак, после исчезновения которого всем стало легче и спокойнее.

Информацию об успешном решении вопроса Антон получил от Александра Борщова, который сразу же, как и обещал, позвонил ему. Не откладывая, Толмачёв тут же сообщил новость своей подруге. Лариса горячо поблагодарила его, после чего напомнила, что поскольку один вопрос решён, пора приступать к обсуждению другого. Она откровенно призналась, что чувствует себя виноватой за проявленную при их последней встрече нечуткость к нему и к его проблеме, и выразила желание исправить свою оплошность.

Антон, однако, уже не испытывал обиды. Скорее, досадовал на себя за то, что поступил не совсем по-мужски, позволив эмоциям взять верх над ним. И также хотел исправить свою оплошность. Ведь действительно – обиделся как ребёнок. А надо было просто откровенно поговорить, поделиться своими тревогами. Лариса поняла бы и, глядишь, дала бы мудрый совет. Женщины часто бывают мудрее мужчин. Про-

сто вчера после встречи с бандитами нервы у него слегка разгулялись. Да и не только в бандитах дело. Напряжение, сомнения, неопределённость последних дней дали знать о себе.

Он честно признался Ларисе в своём сожалении. Они вместе посмеялись над нелепостью ситуации и договорились увидеться сегодня вечером и все назревшие вопросы обсудить за чашкой чая.

Остаток рабочего дня Антон Владимирович провёл в жгучем нетерпении. Он позвонил жене, сказал, что вернётся поздно, поскольку вечером ему предстоят служебные поездки. Валентина Сергеевна приняла информацию к сведению спокойно, без лишних расспросов. Это значительно упрощало дело, хотя немного настораживало.

Покончив с делами, Толмачёв сел за руль своего «Мерседеса» и поехал к дому возлюбленной. Испытывая в душе радостное волнение, он по невнимательности проехал на красный свет светофора, едва не сбив пешехода. И сразу услышал громкий голос из репродуктора, требующий немедленно прижаться к обочине. Вскоре возле машины объявился сотрудник дорожной полиции. Антон опустил боковое стекло. Взглянув на «блатной» госномер автомобиля, инспектор подошёл к водителю, представился.

– Что же вы, гражданин, так грубо правила нарушаете? – спросил он подчёркнуто вежливым голосом. – Позвольте взглянуть на ваши документы.

Антон протянул ему права и техпаспорт.

– Извините меня, пожалуйста. Я не умышленно проехал на красный, а по рассеянности. Усталость тому виной. Работы невпроворот, да ещё выборы на носу.

Инспектор внимательно ознакомился с предъявленными документами.

– Я всё понимаю, Антон Владимирович, – со вздохом произнёс он. – Но вы сейчас могли сбить человека. Сами подумайте, чем бы всё это для вас закончилось.

– Да-да, вы абсолютно правы! Я виноват и должен понести наказание. С меня полагается штраф. Но… я бы хотел обойтись без официоза. Предлагаю рассчитаться на месте, – Антон протянул гаишнику пятитысячную купюру. – Этого достаточно?

– Да что вы?!.. – инспектор затравленно заозирался по сторонам. – Немедленно уберите!

– Я вовсе не пытаюсь подловить вас или подставить, – стал уверять его Толмачёв. – Просто мне сейчас крайне нежелательны официальные штрафы. Клянусь, что о нашем взаиморасчёте никто не узнает.

Инспектор отступил на шаг от машины и поднёс руку к козырьку.

– Можете ехать!

Антон пожал плечами.

– Ну что ж, спасибо!

Он положил купюру в карман и тронулся с места, вли-

ваясь в уличный поток. Реакция инспектора на предложенную взятку показалась ему забавной. Да, современные видео средства заставили сотрудников ГИБДД вести себя корректно. Теперь они стали вежливыми и осторожными. Безнаказанность развращает и распоясывает людей, и только чувство собственной уязвимости вынуждает их быть настороже.

Антон вдруг внутренне напрягся. А как *он* себя ведёт? Осторожно? Ведь летит же очертя голову к своей возлюбленной, забыв о том, что не далее, как вчера, «засветил» её перед Борщовым. Александр, конечно же, очень помог избавиться от опасного соседа Ларисы. Эту его услугу трудно переоценить. Но что у него на уме, неизвестно. В чужую голову не заглянешь. Может быть, не случайно на пути Антона появился этот мент? Может быть, это знак, предостережение?

Одолеваемый сомнениями, Антон Владимирович изменил маршрут. Он решил проехать окружным путём, потом оставить машину на стоянке возле какого-нибудь заведения за пару кварталов от Ларисиного дома и далее добраться пешком. Его опять охватило сильное волнение, но уже замешенное на тревоге. Петляя по городу словно шпион, путающий следы, Толмачёв периодически поглядывал в зеркал*а*, пытаясь обнаружить слежку. Вероятно, со стороны это выглядело смешно и глупо. Но душа, потерявшая спокойствие, вносила сумятицу в мысли, заставляя их бросаться из одной крайности в другую.

И вновь напряжённое, взбудораженное состояние сыгра-

ло с ним злую шутку. Почти перед самым носом машины на дорогу выскочил мужчина. Антон успел вдавить педаль тормоза в пол, но не так быстро, как хотелось бы. Удар, хотя и не слишком сильный, сбил человека с ног. Толмачёв стремительно выскочил из машины, бросился к пострадавшему.

– Жив?

Тот медленно поднялся на ноги. Не глядя в лицо сбившего его водителя, мрачно и небрежно бросил:

– Всё в порядке. Можешь дальше катиться.

Антон почувствовал, что у него опять сдают нервы.

– Что же ты, мать твою, под колёса лезешь?! – закричал он. – Не знаешь, где пешеходный переход?

– А ты не ори, – огрызнулся мужчина. – Не губернатор пока.

Антон вгляделся в его лицо.

– Слава? – удивлённо спросил он. – Фокин?

– Ну, Слава. Ну, Фокин. Ещё есть вопросы? Если нет, то я пойду.

– Ты что, не узнаёшь меня?! Мы же вместе учились…

– Отчего же, узна*ю*, – недружелюбно ответил пострадавший. – Да и как тебя не узнать – почитай, на каждом столбе висишь.

Его враждебность неприятно царапала душу. Тем более, что для неё Антон не видел никаких оснований.

– Славка, что за агрессия? – сердито спросил он. – Мы же с тобой товарищи!

Фокин бросил на него хмурый взгляд.

– Были когда-то.

– Чёрт возьми, почему «были»?! Я с тобой не ссорился.

– Не ссорился, – Вячеслав криво усмехнулся. – Ты просто ушёл в другой мир. Мы теперь, Антоха, в разных пространствах обитаем. Ты, вон, в шоколаде весь. А я в веществе того же цвета, но с другим запахом.

Толмачёв вдруг ощутил злое раздражение.

– Слушай, чего ты разнылся? – повысил он голос. – Судьба тебя обидела? Живётся трудно? Как будто я не знаю, что это такое. Да, у меня жизнь изменилась. Потому что друг помог! И тебе бы помогли, если бы ты свой гонор засунул в одно место и обратился за помощью. Но нет, ты сидел и ждал, когда мы к тебе сами прибежим со своими услугами, чтобы не ущемить твою гордость. Так ведь?

Как ни странно, эта вспышка эмоций подействовала на Фокина успокаивающе. С грустью, но уж*е* без злости он сказал:

– Нет, не так, Антон. Гордость тут вообще не при чём. Обращался я за помощью.

– К кому? – спросил Антон удивлённо, чувствуя что-то неладное.

– К Коржину.

– И что?

– Отшил он меня.

– То есть как это – отшил? Неужели Паша на такое спо-

собен?

Несмотря на минорное настроение, Вячеслав едва не рассмеялся.

– Брось, Антоха! Ещё как способен! И удивляться тут нечему. Обстоятельства меняют людей. Вернее, в зависимости от обстоятельств, люди проявляют те или иные качества. Пока Пашка был с нами на равных, он и вёл себя соответственно. Теперь он поднялся высоко и не хочет «унижать» себя знакомством с такими, как я. Конечно, есть люди, которые остаются собой в любой ситуации, но Коржик точно не из их числа.

В груди у Антона заныло. Сомнения, подозрения, досада вновь стали заползать в его душу.

– Что же ты ко мне не обратился? – спросил он. – Тоже к категории перевёртышей причислил?

– Ты тогда сам ещё новичком был в администрации. Да и после общения с Коржиком расхотелось иметь с вами дело. Вы ведь с Паханом друзья. Вот я и подумал: хрен редьки не слаще. Вы же теперь мчитесь на крутых тачках по скоростной автостраде, а я плетусь в стороне по пыльной грунтовой дороге. И между нами пролегает полоска земли. Знаешь, как она называется?

– Знаю: «полоса отчуждения», – сказал Антон. – Вот что, Славик: давай на время забудем про эту чёртову полосу, забуримся куда-нибудь, выпьем хорошенько и поговорим по душам. А ещё лучше – напьёмся до чёртиков. Машину я

оставлю на стоянке. Потом заберу.

Фокин отрицательно покачал головой.

– Нет, Антоша, не будем никуда забуриваться. Я с алкоголем не дружу. Для меня он пройденный этап. Не хочу возвращаться в это болото.

– Мы можем посидеть за чашечкой кофе. Или давай отъедем куда-нибудь и поговорим в машине.

Последний вариант Вячеслава устроил. Он занял место рядом с водительским. Прежде чем сесть в машину, Антон вынул мобильник и сделал звонок Ларисе.

– Извини, моя хорошая, я немного задержусь.

Потом сел за руль, и машина тронулась с места.

* * *

– Тебя Пашка вовремя перетянул в администрацию, – начал своё повествование Вячеслав. – На заводе дела пошли всё хуже и хуже. О себе-то начальство не забывало. По нескольку сотен тысяч в месяц хапали. А нам совсем кислород перекрыли. Кидали жалкие крохи, да и те с задержкой. Я уволился. Какой смысл ездить на работу, если денег не платят? Начал таксовать на своей «пятнашке». Хлопотно и порой рискованно, но всё же с наваром оставался. Приходилось крутиться целыми днями – долгов-то накопилось. Стал уставать, внимание притупилось. В общем, по неосторожности подставил я свою машину под микроавтобус. Хо-

рошо, что пассажиров у меня в салоне не было в тот момент. Удар был нешуточным. Правый бок всмятку. Сам относительно легко отделался, а вот «Жигуль» угробил начисто. По страховке, понятно, ничего не получил – вина-то моя. А тут ещё Наталья без работы осталась… – Фокин немного помолчал, затем продолжил: – Пометался я по городу в поисках работы. Везде облом. Кое-как удалось раздобыть телефон Коржина. Решил позвонить ему. Думал, поможет куда-нибудь устроиться.

– Что он тебе сказал? – спросил Антон.

– Звонку моему Паша явно не обрадовался. Говорит, мол, занят сильно. Предложил перенести разговор на попозже. А потом я просто не смог до него дозвониться. Видимо, внёс меня в чёрный список.

– Значит, ты считаешь, что Пашка… способен на подлость?

Фокин удивлённо взглянул на собеседника. Антон поспешил уточнить свой вопрос:

– Я имел в виду: способен он обмануть, подставить, предать?

Вячеслав неуверенно пожал плечами.

– Не знаю. Напраслину возводить не хочу. Но если тебя интересует моё субъективное мнение, то скажу откровенно: гнида он. Думаю, что и тебя может кинуть, если ситуация сложится соответствующая.

Антон с сомнением покачал головой.

– В тебе, Славик, обида говорит. Мы ведь с Павликом много лет дружны. Нет, не подлец он. Не могу я в это поверить. Да и не хочу. Призн*а*юсь тебе: у меня в последнее время тоже появились основания для сомнений. Я надеялся, что ты их развеешь. Увы, ошибся.

Фокин пристально посмотрел на него.

– Значит, всё же появились сомнения? Вот тебе и ответ на главный вопрос. А ты мне: «много лет дружны»!

– Да там… сам чёрт голову сломает. Идёт непонятная возня, а кто воду мутит – не разберёшь. На Пашку бросают тень. То ли есть на то причины, то ли просто подставить хотят – я не знаю. В общем, тоже мало хорошего.

– Как же! – усмехнулся Вячеслав. – Слыхали мы, что богатые тоже плачут. Только слёзы у нас с вами разные.

– Ладно! – Толмачёв махнул рукой, словно отметая последнюю тему. – Со своими слезами я сам разберусь. Давай продолжим разговор о тебе. Ты вот сказал, что для тебя алкоголь – пройденный этап. Пил-то крепко?

– Да было дело. С полгода дурью маялся. А потом спохватился. На душе легче не становится, а проблемы только усугубляются. Понял, что скатываюсь в пропасть. С тех пор на спиртное смотреть не хочу. Уже больше года – ни капли.

– Кодировался?

– Нет, что ты! В этом не было необходимости. Я ведь до такой степени не успел втянуться. Самостоятельно выбрался. Начитался всякой полезной литературы, много чего

узнал.

– Что за литература? – с любопытством спросил Антон. – О чём она?

Фокин неопределённо пожал плечами.

– Да, собственно, обо всём, – сказал он. – Меня, главным образом, интересовало: что происходит со всеми нами, почему и по чьей вине мы так плохо и глупо живём?

– Ну и как – узнал?

– Да, многое узнал и понял. На мир стал смотреть другими глазами. Только вот кое с чем из прочитанного никак не могу согласиться.

Он опять умолк.

– Так с чем ты не можешь согласиться? – Антон потормошил его за плечо. – Чего замолчал? Мне же интересно узнать.

– Понимаешь, Антоха, получается, что мир пошёл по ложному пути. Не сам пошёл, а повели его хитрые проходимцы. Чтобы вернуться на правильный путь, надо обратиться к древним традициям, изменить психологию, поставить духовное выше материального. Ну и так далее.

– И с чем ты тут не согласен? – удивлённо спросил Толмачёв. – По-моему, всё верно сказано.

– Я с этим не спорю, – согласился Фокин. – Только вот ещё что пишут: возрождение мира начнётся с России, с русского народа. Я в это не верю.

– Почему?

– Потому что нет никакого русского народа. Кончился он давно. Осталась толпа – жадная, завистливая, злорадная. В войну люди помогали друг другу, последним куском хлеба делились. Вот это был народ! А сейчас? Человек упадёт – по нему топтаться будут. Вокруг одно ворьё да враньё. Все слои общества пропитаны уголовной психологией. Но хуже всех ваш брат – чиновник. За взятки готов душу продать. Взять того же Пашу Коржина. Мне, своему сокурснику, он отказал в помощи. А обратится к нему какой-нибудь кавказец или азиат, сунет деньги – и Коржик всё для него сделает. Где ещё, в каком народе так поступают? Везде в первую очередь своим помогают, а чужих не очень-то жалуют. Да разве только в этом дело? Посмотри, что с нами вытворяют! Всё терпим. А почему? Да потому что не способны объединиться, поскольку ненавидим друг друга. Ослепли в злобе своей. Вот и скажи мне: может ли слепой повести других к свету?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.